

Техас

Повесть

ТЕХАС — ЭТО крошечный кусочек суши, разумеется, если сравнивать его со вселенной; а для кого-то это дом, и целый мир, и родина, и любовь, и детство. Я не знаю, откуда взялось это название. Говорят: «Просто людям делать было нечего, вот и прозвали так», «Ну, типа, Дикий Запад».

Вероятно, из-за огромных пустырей и постоянных бандитских разборок. В нашем Техасе всегда велась борьба за власть. Всего лишь десять лет назад перестрелки случались прямо на площади. Морги были забиты трупами успешных авторитетов. Впрочем, это название появилось так давно, что никто и не помнит, кто его придумал. А может, этого кого-то уже давно нет на свете.

Мытищи — маленький город. Железная дорога делит его на две части: старые и новые Мытищи. Старые по правую сторону, вдоль Ярославского шоссе (их-то и называют на местном жаргоне — Техас). Мы переехали сюда из Долгопрудного, когда мне было три года.

Вскоре развелись мои родители. Я очень хорошо помню тот вечер, когда отец забрал вещи и

уехал. Мы с братом деремся из-за коробки от магнитофона, он хочет складывать туда кассеты, а я хочу сделать из нее домик для кукол, мама сидит на полу и плачет. Коробку мы порвали, и она никому так и не досталась.

Наш дом двадцать второй по счету на улице академика Каргина. Панельная девятиэтажка, построенная в конце семидесятых, стоит на перепутье, в какую сторону ни глянь — всюду будет развилка.

Если пойти налево — то окажешься в районе ветхих пятиэтажных домов. Хрущёвки и сталинки утопают в зелени и тишине. Крохотные чистые дворики, почти не выдавшие машин, свежестиранное белье на веревках.

За ними на поле огромной буквой «П» расположилась моя школа. Рядом с ней — детский садик «Елочка», в который я ходила.

Если же пойти направо, придешь к Владимирской церкви. Оттуда доносится колокольный звон, я под него просыпалась когда-то. Бывает, мне и сейчас мерещится, что я его слышу. Туда мы теперь ходим святить куличи, ставить свечки и причащаться.

За моим двором — пустырь. Потом здесь появится новый дом, с большими дорогими квартирами.

А прямо через дорогу — огороженная территория. Обещали сделать спортивный комплекс

с бассейном, но в итоге получилась вечная незавершенная стройка. Уже около десяти лет на этом месте два заброшенных здания. Там собираются наркоманы и бомжи, наши мальчишки тоже лазят туда, для них это вроде проверки смелости. Сторож их гоняет, а им все нипочем. Совсем близко стадион «Торпедо» — сюда меня в пять лет записали в секцию по фигурному катанию. В двух шагах от него — старый дом культуры. Раньше в нем был кинотеатр, детские кружки и библиотека. Теперь — ночной клуб «Индиана Джонс».

В нашей квартире четыре комнаты, мама все время называет их «клетушками». Все окна выходят во двор. Но только из моего окна видно большую березу. По ней всегда можно определить время года: осенью ее листья окрашиваются в цвет багряной охры и неторопливо умирают, разбиваясь о землю; зимой она оденется искрящейся белой шубой; весной нахохлится, набирая бутоны; а летом зазеленеет.

Автобусная остановка называется «Химгородок». Это оттого, что неподалеку находится завод «Химволокно», где моя мама проработала три года экономистом. У нас в городе всегда было много заводов. Железные громады стоят и по сей день, исторгая смрад.

Помимо всего прочего на «Химволокне» производили удивительные, не горящие в огне нитки. Они наматывались на длинные катушки и мерцали диковинным медно-розовым цветом. Я долго упрашивала маму принести эти нитки, а когда она их принесла, они оказались просто нитками, самыми что ни на есть обыкновенными. Такое случается.

Сложно назвать день, когда всё это началось. Это произошло как-то постепенно, как-то незаметно для нас. Разве мы тогда могли представить, чем всё это закончится.

Просто с разницей в несколько лет мы родились в Советском Союзе. Во время его медленной мучительной смерти. Кто скажет нынче точно: успели или опоздали?

Мы были обычными детьми. Как все, болели корью и ветрянкой, играли в казаки-разбойники и салки, мечтали поскорее стать взрослыми.

Двор и в самом деле был небольшим, но нам чудилось, будто это гигантская планета. На пустыре были свалены бетонные плиты, в них мы ухитрялись пролезать, — получался двухэтажный домик. Там мы прятали маленьких щенков, чтобы за ними не приехали собаколовы, по очереди ходили их кормить. У каждого был свой щенок. Часто мальчишки перетаскивали их в свой шалаш, и начиналась борьба. Место нахождения их штаба всегда было засекречено,

как только оно становилось известно — они тут же искали новое.

Два старых полузасохших дерева тоже нередко служили домом. На них можно было залезать и развешивать различные драгоценные штуки: стекла, бутылки, фантики, листья, цветы, кусочки ткани и прочее — мы находили их под окнами. Также из этого богатства делались «секретики»: цветы, листья и красивая фольга клались в специально вырытую ямку, накрывались стеклышком и тщательно закапывались. Может, мы думали, что их когда-нибудь раскопают наши дети или какие-нибудь чужие? Не знаю. Просто это было красиво.

Между двором и пустырем был небольшой овраг. Над ним взрослые ребята сделали тарзанку — привязали дощечку к толстой веревке, которая имела обыкновение рваться в самый неподходящий момент. Так произошло, когда на ней катался Сашка Козаков. Хотел показать, какой он храбрый, прыгнуть прямо с ветки, на которой все держалось, — и упал. Все смеялись, а я нет. Мне его почему-то было жалко, наверное, ему все-таки было больно. У него есть брат близнец — Сережка, до сих пор не могу их отличить друг от друга. Они жили в доме за пустырем и учились в одном классе с Женей, Ильинским Игорем (Илюхой), Братухиным Лешкой (Братаном), Димой Екимовым (Кимом), Костей Филиным (Филей), Филимоновым Егором (Филимоном), Семёновым Стасом (Сёмой), Кузиным Юрой (Кузей), Лешаковым Славой (Лешим) и Немцем. У них была своя взрослая компания. Их считали крутыми. Многие из них жили в моем доме, некоторые даже в моем подъезде. Я в то время часто забывала ключи от квартиры, сидела под дверью и видела их. Когда на улице было холодно, они собирались на пятом этаже, там жил Ильинский (Женя жил на восьмом, а Кузя на девятом), в остальное время они сидели в соседнем дворе, ближе к вечеру подтягивались к ночному клубу «Индиана Джонс».

Когда нам было шесть, а им девять-десять, мы играли вместе и в казаки, и в испорченный телефон, и в чепуху, носились по двору, а вечером жгли костры. В школе на переменах — в прятки и салки. Женька был тогда забавный: светлые волосы; короткая стрижка с длинной челкой, которая все время падала на синие глаза, шебутной, задиристый, драчливый и непоседливый мальчишка. Девчонки смотрели на него с восторгом и замиранием в сердцах, а он их будто бы не замечал. Машинки и мальчишеские игры — вот, что ему было интересно. Ни минуты не мог усидеть на месте. Лет в десять под-

рался с Илюхой и рассек себе бровь. Все ужасно перепугались, у него полголовы было в крови. А он совсем не плакал, только растеряно смотрел по сторонам, словно не понимая, что случилось. Нас развели по классам, и я его в тот день больше не видела.

Как раз в этом году я только пошла в школу, мы еще застали форму. Черный или белый фартук, бесконечная стирка манжет и воротничков, а еще бант, большой капроновый бант, чуть ли не с мою голову величиной. До школы у меня были очень длинные волосы, темные и прямые, но в детском саду меня заразили вшами — пришлось их остричь. Так я и пошла в первый класс, правда, говорили, что мне идет, интересовались, в каком салоне меня стригли. В руках разноцветный ранец со «спиди-гонщиком» (герой популярного в то время мультика) и букет из розовых гладиолусов. Я должна была быть в «А» классе, нас распределяли по итогам собеседования, но мама не сдала мои документы вовремя, и я попала в «Е». Теперь я даже рада, что попала именно туда, у нас был замечательный класс.

* * *

В восьмом к нам пришла новенькая — Яна. Она жила недалеко от меня, в доме около медучилища. Мы как-то вместе шли из школы, и она предложила сходить в «Индиану Джонс» на дискотеку.

— Нас туда не пустят! Нам же шестнадцати нет.

— Да пустят. Там всех пускают. У меня брат туда ходит. Говорит, прикольно. Пошли?! Не понравится — уйдем!

— Ну, пошли! — ответила я просто так.

И мы пошли туда в субботу вечером. Жуткая давка на входе, невероятное количество дыма, и люди с безумными лицами. Клуб стилизован под джунгли, кроме того, в соседнем городе Королёве был точно такой же клуб, только назывался Jangle. Тех, кто туда ходил, называли джанглистами. Они устраивали кровавые разборки с нашими ребятами. После таких побоищ большинство попадало в больницу или в милицию.

В баре стоял скелет, повсюду висели зеленые сети и канаты, в танцзале бревна — на них можно было сидеть; вместо столов большие бочки с деревянными лавками. Белые вещи светятся в темноте под действием ультрафиолета, поэтому почти все ходят в белом, остальные — в разноцветных майках, топах, юбках или с фосфорными браслетами и кольцами. Такое чувство, что почти все знакомы, постоянно целуются и обни-

маются. Мы встретили девчонок из моего дома, и стали танцевать в их круге. Все сверкает, блестит и мелькает перед глазами, как нарисованный мультик. Кажется, что это не ты, а какой-то другой посторонний человек, красиво двигающийся под долбящую отовсюду музыку.

Женя стоял у стенки, совсем недалеко от сцены, где танцевали девчонки в коротеньких шортиках и топах апельсинового цвета. В кепке и черных очках — его было сложно разглядеть, но я его узнала. К нему подошла Ольга. Они стали целоваться, он ее обнял. Я не то чтобы завидовала, просто Женя был такой, каким я и представляла себе идеального парня, я думала, такие бывают.

На сцену вышли хардкористы, многие из них были моего возраста, и я их хорошо знала. Самое смешное, когда они, забыв вытащить вещи из карманов, начинают крутиться на голове. Вот и в этот раз из Юркиных карманов посыпалась всякая всячина. Когда я снова посмотрела в тот угол, где стоял Женя, — никого не было.

Мы стали ходить на дискотеку каждые выходные. Перезнакомились, наверно, со всеми. Там часто случались драки. Девчонки тоже дрались — похлеще мальчишек. Повод может быть любой: от оскорбления до «просто не понравилась». Чаще всего обходилось все мелкими разборками с участием какого-нибудь авторитета (у нас была некая Мусё, которая занималась борьбой, — ее все ужасно боялись; или Наташа Кострова, которая была старше всех и имела обширные связи). Нас с самого начала предупредила Катька, что золотые украшения лучше не надевать, денег с собой брать по минимуму, в женский туалет не заходить. Сначала нам как-то везло, до нас только доходили слухи, что девушек избивают, забирают у них деньги и украшения. Вскоре настала наша очередь. Мы стояли перед входом в клуб с девчонками. К нам подошла Людка со своими подругами (из-за коротких стрижек их называли «лысыми»), они были самими главными. Людка прижала нас к стенке:

— Деньги есть?!

— Нет! — ответила Яна.

— Как это нет? Вы же на дискотеку пришли, на вход должны быть деньги! Сюда без денег не приходят!

— Ну, мы думали пострелять! — сообразила Юля.

— Пострелять только я могу! Выворачивайте карманы! А то я вас так отделаю, мало не покажется!

Она забрала деньги у девчонок и подошла ко мне:

— У тебя тоже нет?

В этот момент непонятно откуда появился Серега Евдокимов (Толстый, Пончик — так его называли):

— Ее не трогай, она моя сестра! Есть у нее деньги, ей мама дала.

— Что, правда, сестра? — спросила она у меня, пристально разглядывая нас с Серегой.

Я кивнула. Серега меня увел. Люда его уважала, вместе учились, почти ровесники. Им было по семнадцать, нам с девчонками четырнадцать. Не понимаю, чего мы тогда так боялись какой-то наркоманки. Мы видели в ней то, чем она никогда не была. Сами же этот культ и создали, про них ходили жуткие слухи. С другой стороны, они ведь могли и избить по-настоящему, если никто за тебя не вступится. Много было таких случаев, девчонок увозили на «скорой». Помню, как мы тащили домой Юльку. Она подралась с Варькой, одной из них, на улице возле клуба, пришла с разбитым ртом и вся грязная. Это было обычным делом, никто не придавал этому значения.

Ребята дрались даже на танцполе. Мы сидели с девчонками около бара, мимо нас пролетел парень и упал на пол. Его подняли, и начался настоящий бойцовский ринг, пока не пришла охрана. Того парня, его звали Андреем, никто больше не видел. Порядок был простой, кто сильнее — тот и прав.

Обычно было семь или восемь медленных танцев за вечер (мы называли их медляки). Главная интрига: с кем танцевать медляки? Если это твой парень, тогда танцуешь только с ним, иначе будут неприятности, разборки и прочее. Если парня нет — танцуешь с тем, кто пригласит.

Дискотеки затягивают, появляется компания или несколько знакомых компаний, куда можно ходить в любое время. Меня это устраивало, потому что домой идти все равно не хотелось.

* * *

После развода мама начала пить. Я плакала каждую ночь, просыпалась одна в квартире. Вечером мама мне врала, что не уйдет. Я старалась не спать, но все равно засыпала, а когда просыпалась, ее уже не было. Мне казалось, что слезы когда-нибудь кончатся, вот я их сейчас выплачу и больше не смогу плакать, думала, у человека ограничен запас слез.

Однажды, мне тогда было лет пять, я пошла к ее друзьям. Я знала, где они собираются, она иногда брала меня с собой. Была глубокая ночь, и мне было безумно страшно идти в темноте, кроме того, я никак не могла вспомнить дом. Когда я их нашла, мама совсем не удивилась,

что я пришла одна. Мужчины в нашем доме менялись с завидной регулярностью. Я не осуждаю ее, я даже уже не обижаюсь, просто забыть все никак не могу.

Не могу забыть восьмое марта в детском саду. Я учила стихотворение, она обещала, что придет, но не пришла. Мне было очень обидно, у всех были мамы, а у меня нет. Домой она пришла пьяная, и сразу заснула. Я хотела поджарить рыбные палочки, но порезала палец. Видимо, задела посуд, потому что кровь не останавливалась, она все текла и текла. Мне стало очень страшно, я ревела, смотрела на этот палец и думала, что я умираю. Пыталась разбудить маму — она не реагировала. Позвонила папе, он сказал, что надо держать под холодной водой. Я спросила, а если не пройдет? Он ответил, что тогда приедет. Не знаю почему, но меня это успокоило, и кровь перестала идти. Только шрам остался, из-за него ноготь на большом пальце наклонился вбок.

У меня были самые дорогие куклы и даже дом для барби. Девчонки завидовали мне, а я завидовала им, потому что у них были родители. Потому что ими интересовались, их провожали и встречали. А меня редко встречали, даже вечером со стадиона, где я занималась фигурным катанием. И мне всегда было стыдно перед чужими родителями, я им врала, что мама работает, они доводили меня до дома. Многих моих друзей не отпускали гулять, меня отпускали всегда, я и не спрашивала. Все равно никто бы не заметил, что меня нет.

* * *

В феврале тысяча девятьсот девяносто восьмого года на дискотеке Катька познакомила меня с Колей Артамоновым, он был из Женькиной компании, говорили, что они с ним лучшие друзья. Добрый, улыбчивый, с удивительным грустным взглядом, словно слезы в глазах стояли. Он угощал нас мороженым и без конца рассказывал анекдоты. С ним было легко общаться. Мне только потом Катька рассказала, что он детдомовский. Его родители погибли, когда ему было четыре года, из детдома сбежал, даже некоторое время жил при монастыре. Учился он мало. Думаю, закончил классов девять или восемь. Впрочем, он никогда не рассказывал об этом. Хотя, наверное, я и не спрашивала.

Они проводили меня до подъезда, я сказала, что дальше дойду сама. Лифт ехал нестерпимо долго, я прислонилась к стене и стала разглядывать батарею, на которой обычно спали бомжи. Дверь распахнулась, и вместе с февральским холодом в подъезд ввалился Саша с пьяным

Женей, которого шатало из стороны в сторону. Саша пытался его держать, но он все время вырывался и цеплялся за стену с почтовыми ящиками, бормоча что-то невнятное.

— Не, бля. Ну ты достал меня уже конкретно! Стой! — Саша резко приставил его к стене около лифта.

— Девушкааа!.. Красиивая!.. — Женя увидел меня и обрадовался.

Двери лифта открылись. Мы запихались вовнутрь.

— Мне третий! — Саша послушно нажал на кнопку.

— Смелая девушка, зашла с нами в лифт! А вдруг мы эти, как его... маньяки какие-нибудь! Я улыбнулась.

— Не слушайте вы его! Просто у него настроения нет, кинули его сегодня прилично.

— А че не слушайте-то! Я, может, серьезно, ваще! Девушка, выходите за меня замуж!

Испуганно мотаю головой.

Он смотрел на меня все тем же наивным детским взглядом, только глаза потускнели и волосы уже не такие яркие.

— Не хотите, да! Вот, видишь, я и ей ни хрена не нужен!

Лифт остановился на третьем этаже. Я вышла.

Женя двинулся за мной.

— Э, вы не думайте... Я ведь и трезвый бываю! Как ты зовут-то?

Саша с трудом втащил его обратно в лифт.

До дискотек я как-то не задумывалась о ребятах и ни разу никого не любила. Если не считать Максима в детском саду. Он подарил мне компас, а я научила его завязывать шнурки. А потом мы пошли в разные школы. И наверное, он уже не помнит, как меня зовут.

А теперь у всех были парни, а у меня нет. Не то чтобы я никому не нравилась, нравилась, и очень многим. Но мне все они были не интересны. Может, я пересмотрела мыльных опер (в детстве меня часто оставляли с бабушкой, так что все сериалы я знала наизусть). Я верила в то, что однажды я встречу его, принца на белом коне. Он будет самым умным, самым добрым и красивым. Мы будем жить счастливо и умрем в один день. Глупо, конечно, но я думала, что так бывает. Где-то внутри была надежда, что все так и будет. Или почти так.

* * *

Девушка на сцене ладошками била по воображаемому стеклу, создавалась иллюзия, будто она и вправду за стеклом и никак не может вы-

браться. Этот прием называется «стеклышко». В то время на дискотеках он был особенно популярен. Это не сложно, нужно только самой верить больше всех, что это стекло существует на самом деле, — тогда и другие в это поверят.

Мне было грустно. Почти все мои подруги — по парам. Смотреть на то, как они целуются, невыносимо. Да еще Олег досаждал мне своим присутствием и, как он утверждал, любовью. Он был замечательным парнем, даже симпатичным, но я воспринимала его как друга, и никак больше. Худенький, ниже меня ростом, он выглядел, как маленький ребенок. Мой брат, увидев его, удивился: «Что это еще за детский сад?»

Я собралась уходить домой, Олег меня упорно не пускал. У него в руках была кружка пива, которая при очередной моей попытке вырваться опрокинулась мне на майку. Пришлось снять ее и остаться в коротеньком синем топике. Изпод него была видна грудь и я стеснялась ужасно. От всего этого совсем стало паршиво. Я села на корточки и обхватила голову руками.

И тут появился Коля:

— Привет! Чего такая грустная?

— Голова болит.

— Сейчас вылечим! Пойдем потанцуем?!

Он взял меня за руку, и мы пошли танцевать. Он что-то говорил, я не слушала. Потом вспомнила:

— А ты знаешь Женьку?

— Какого еще Женьку?

— Ну, из моего подъезда.

— А, Женька, что ли? Конечно, знаю! Он мне вообще как брат! Я ж когда из Сергиева Посада сюда приехал, дурак дураком был, ничего не знал. Меня скины отмутузить хотели, Женька меня отбил. В ментуру сколько раз попадал — он меня вытаскивал. Я ему по гроб жизни обязан. Хочешь познакомлю?

— Да... ну! Хотя... давай!

— Ты не замерзла?!

Коля, наконец-то разглядев меня, набросил мне на плечи свитер. Хотя там было жарко и на фоне всеобщей раздетости я была самой одетой.

— Сейчас. Тут где-то он был.

Через секунду они стояли передо мной.

— Вот, это Женя. А это Таня.

— Типа, привет! — с издевкой произнес он.

Я сняла свитер и вернула его Коле.

Женя уставился на мою грудь.

К Коле подошла Наташка Кострова и со слезами начала упрашивать помочь ей донести Филю до дома, который уже не стоял на ногах. Она тогда с ним встречалась, хотя была влюблена в Илюху, но он встречался с ее старшей сестрой Мариной, впрочем, и не только с ней.

Коля сказал, что скоро вернется, и ушел. Мы остались с Женей вдвоем. Мне стало не по себе, мелкие мурашки забегали по телу. Я совсем не знала, что ему сказать. Когда мечтаешь, представляешь себе и так и эдак — все красиво. А когда стоишь перед этим человеком лицом к лицу — ноги подкашиваются, голос пропадает. Женька мне нравился, но я и не думала, что он может обратить внимание на меня, за ним столько девчонок бегало.

Заиграл «It must have been love» Roxette — мой любимый медляк.

— Потанцуем?

Он крепко обхватил меня за талию. Я робко положила руки ему на плечи.

— Колян не будет против?

— Да нет. А чего ты спрашиваешь?

— Ну, я думал, вдруг ты его девушка.

— Да нет. Ты что?!

Мы, наверно, смотрелись смешно: он метр восемьдесят три и я метр пятьдесят девять.

— Мне кажется, я тебя где-то видел. Откуда я тебя могу знать?

— Просто я в твоём подъезде живу.

— Да ладно?

— А ты в музыкалку случаем не ходил?

(Я-то знаю, что ходил. Нарочно спрашиваю.)

— Да, на гитару. Года три назад закончил. А что?

— Я на фортепиано туда ходила. Ты здорово играешь!

(Он играл не просто здорово, он играл потрясающе, или во всяком случае мне так казалось тогда. Он мог подобрать на слух любую песню, и у него был такой проникновенный голос, мужественный и в то же время нежный.)

— У тебя кто был по сольфеджио?

— Вера Владимировна! — я улыбаюсь. — По моему, нет такого человека, которому она бы поставила целую оценку. У меня за четверть была тройка с четырьмя минусами.

— Это еще ерунда. Вон Филимон вообще два с девятью минусами получил.

Я смеюсь.

— Да он и в школе больше не получал.

(В конце каждой четверти Марина Владимировна выписывала его оценки на доске: один, один, два, один, два, два... И спрашивала: «Ну и что мы поставим Егору за четверть? Ваши предложения?» Один Филимон поднимал руку: «Три?!»)

Женя тоже засмеялся.

— Не, школа — это весело. Ким один раз прикололся — спичек в школьный замок напихал, техничка ушла, а сторож внутри пьяный спал. Утром открыть не смогли — всех домой отпустили.

— Ким это такой высокий в красной кепке?

— Да. Вон стоит! — Женя указал в конец зала.

— Он все время там стоит, ни разу не видела, чтобы танцевал. У него взгляд какой-то хитрый и глаза черные. Мрачная личность.

— Да не, он юморной парень. Вечно в школе приколы всякие отмачивал. Биологичке нос разбил один раз.

— Как это?

— Да так! Не нарочно, конечно. В кабинете математики дежурил. Доску мыл шваброй, не видел, как она зашла, повернулся и задел ее нечаянно. Ходил потом извинялся, цветочки ей носил.

— Бедная Валентина Андреевна.

— Это еще ерунда, вон Сёма, вообще всех рыбок в аквариуме ей отравил, порошка какого-то им насыпал. Правда, никто так и не просек, что это Сема был. Филя тоже прикалывался. У нас как-то физра была в маленьком зале, в конце крыла. Ну, знаешь?

— Где ритмика у детей?

— Да. Так вот, подходит Филя и говорит: «Ща я вам такой приколы покажу!» Мы: «Ладно, давай». Он разбегается и со всего размаха дверь вышибает.

— И че вам за это было?

— Ниче, съе...ись оттуда по-быстрому и все!

— А у нас классная Елена Сергеевна!

— Это такая, которая вечно ходит во всем вязаном с помпонами?

— Ага! Она у нас тут недавно на огоньке баклышку пива отняла и демонстративно вылила в раковину. Дискотеку отменила. Ну, наши пошли к «вэшкам», у них там в открытую все бухали.

— Мы у нее как-то в классе стекло разбили, когда в футбол играли.

— Сильно ругалась?

— Не, это воскресенье было. Палыч (сторож) вышел: «Типа, четыре бутылки — и я вставлю, никто не узнает, только стекло потом принесёте». Ну, мы в магазин сгоняли, поставили ему четыре бутылки — он все вставил. Нормально.

Мы вспоминали про школу, про учителей. Смеялись. Стало как-то проще и веселее. Музыка окутывала чем-то волшебным, протяжный голос солистки будто проникал прямо в сердце. Белый смог, мерцание разноцветных огоньков, и мы кружимся, прислонившись друг к другу. Дух захватывало. Я танцевала с парнем своей мечты. Разве можно было желать большего?

Медляк кончился, а мы все танцевали, обнявшись. Говорили о какой-то ерунде, о друзьях, общих знакомых. Я не видела его лица, не

знала, о чем он думает, но чувствовала, как он дышит.

— О, без десяти уже! Пойдем, а то сейчас народ повалит!

Мы пошли к выходу. Он не заметил, но я видела колючий, ненавидящий Олин взгляд. В раздевалке сидел Толстый, он там работал по выходным, за это ему разрешали проходить бесплатно. Он всегда относился ко мне очень тепло, как к сестре, даже не знаю почему. Но, увидев нас с Женей, насторожился.

— О, Женёк, здорово!

Они пожали друг другу руки. Толстый принес нам одежду. Дошли мы очень быстро, но почти молча. Он словно бы о чем-то думал. Заговорили только в лифте:

— Забыл спросить, тебе какой этаж? — как-то растерялся он.

— Третий!

Мне показалось, он загрустил.

— Что случилось? — спросила я.

— Все нормально! — отмахнулся он.

Я вышла — он тоскливо улыбнулся в дверях.

— Пока.

— Шарф! — вспомнила я. — Ты шарф забыл!

Он дал мне его, когда мы одевались, еще в клубе.

Я принялась судорожно стаскивать с шеи спартаковскую розу. Это шарф болельщика, на котором изображена символика команды. У нас в то время все в основном болели за «Спартак», коней, то есть болельщиков «ЦСКА» или армейцев, почти не было, их всех перебили, кроме разве что Позднякова, его не тронули. Правда, потом его все равно посадили. На рынке была драка: скины, он был одним из них, отмечали очередной день рождения Гитлера, тогда погибло очень много кавказцев, а посадили только Позднякова, вроде у него на grindерсах нашли кровь одного из убитых. Но разве можно точно определить, кто именно добил, били же все. Эту драку по телевизору показывали в новостях. Всякие программы были, в которых все выясняли, кто прав и кто виноват. А через неделю-другую замолчали или забыли.

Шарф был длинный и очень теплый. Ребята обычно носили его под куртку-бомбер (короткая черная мужская куртка с яркой оранжевой изнанкой) — так носил и он.

Женя вышел из лифта.

— Ну, вот теперь тебе пешком придется!

(У нас в доме лифт не вызывается с того этажа, на котором стоит.)

— Ничего, не привыкать.

Он помог мне снять шарф. И был так близко, что у меня бешено колотилось сердце. От него

пахло сигаретами и чем-то знакомым. Больше всего я боялась, что он меня поцелует и узнает, что я не умею целоваться. Я думала, тогда все будет испорчено, и я стану ему неинтересна.

— Ну, мне пора.

— Угу.

Я кинулась к двери и нажала на звонок.

— Пока.

Лешка (мой брат) открыл мне, а Женя все стоял в задумчивости.

Кое-как раздевшись, я кинулась к телефону. Набрала номер Лизы (это моя лучшая подруга. Мы дружим с пятого класса. Только ей я могу рассказать все). После двух гудков в трубке раздался ее сонный голос:

— Да.

— Это я.

— Знаю. Что стряслось?

— Ты ни за что не догадаешься.

— Что Янка с Юриком разбежались опять?

— Нет.

— Ну, тогда, наверное, Тимофеева замутила с Веталем?

(Веталь предложил Тимофеевой встречаться, она сказала, что подумает, и через две недели даст ответ. Завела блокнот, который носила с собой и записывала в него все плюсы и минусы. Если к концу двух недель плюсов будет больше, чем минусов, тогда она согласится. Веталь уже чего только не делал, и цветы дарил, и провожал, и даже делал вид, что бросил курить. И мы все ждали, когда Тимофеева сдастся. Прибавляли Веталю плюсы и всячески ее уговаривали. Всех это веселило. Но она стойко держалась.)

— Да нет же.

— Ты согласилась встречаться с Олегом?

— Ты мелко мыслишь. Я с Женькой танцевала, и он меня проводил! — торжествующе заявила я.

— Какой еще Женька?

— Какой-какой, как будто у нас их вагон и маленькая тележка! Ну, из моего дома! Из Илюхиной компании! Ты уже спишь, что ли?!

— Быть не может?! — оживилась Лиза.

— Очень даже может!

— Хм, а Ольга?!

— А что Ольга?! Он с ней больше не встречается. Она нас видела.

— Может, это прикол какой-то? Что-то я не догоняю! С чего вдруг?!

Мы еще долго разговаривали. Лиза советовала быть осторожней и не верить во все это. Вследствие чего в школу я пришла совершенно невыспавшейся. Благо мы сидели на последней парте, и я уже почти спала, когда мне в ладошку

положили свернутый кусочек бумаги. Это Тимофеева передала мне записку через Загорского, она сидела на соседнем ряду, но не с моей стороны.

«Что у тебя с Женькой? Он же с Ольгой встречается! Что вчера было?»

Пытаясь разлепить глаза, калякаю:

«Да ничего. Просто потанцевали — проводил! А что? При чем тут Ольга? Они же разошлись!»

Тимофеева задумчиво что-то пишет в ответ и отдает записку. Загорский, видимо почуяв, что там что-то интересное, берет себе и начинает разворачивать. Я хватаю его за руку:

— Отдай!

— Не отдам! — сладостно улыбается он.

Я изо всех сил стараюсь разжать его кулак и вытащить записку. Не получается.

— Дурак! Отдай сейчас же!

Мы боремся под партой. На нашу возню поворачивается впереди сидящая Юрцева:

— Чего это вы там делаете?

Мы хихикаем. Она злится. Ей давно нравится Загорский. Безответно.

Тут все это замечает и Елена Сергеевна (наша классная, учительница английского языка):

— Таня, выйди! Немедленно!

Вот, всегда так. Вопиющая несправедливость. Виноват Загорский, а выгоняют меня. Я выдергиваю у него остатки изорванной бумаги и выхожу. Выкидываю их, прочитать уже все равно ничего невозможно.

Иду в женский туалет, он совсем рядом с классом английского на третьем этаже, именно здесь с утра мы переписываем домашку, здесь же обсуждаем жизненно важные вопросы, скрываемся от учителей и прочее.

На подоконнике сидела Ольга, рядом стояли две ее подруги, Надя и Ира.

— Смотрите, кто пришел! А мы как раз тебя вспоминали! — громко сказала Ольга.

— Вспомнишь, вот и оно! — подхватила Надька.

Они засмеялись.

— Да пошли вы! — со злостью ответила я.

— Ты кого это тут посылаешь, шалава?! — Надя прижала меня к стене, выложенной холодной плиткой.

Прозвенел звонок.

— Не здесь! — Ольга отодвинула Надю. — В субботу на диске разберемся. Будешь знать, как с чужими пацанами танцевать! Я тебе устрою! Весь Техас соберу!

Они пошли к выходу.

— Только попробуй не прийти! Хуже будет! Я тебя все равно достану! — сказала Надя уже в дверях.

Лиза как раз столкнулась с ними, она взяла мои вещи из класса:

— Ну что, доигралась! Говорила же я тебе! Стрелу забили? — она взволнованно смотрела на меня.

— Да. Послезавтра в «Индиане».

— И че делать будем?

— Ничего, пойдем, что же еще!

— С ума сошла, она старше и сильнее раз в сто! К тому же она с собой приведет всех своих! А ты? Все же будут за нее стопудняк! — она почти кричала. — Весь одиннадцатый, из десятого где-то пятеро, с новых Мытищ девки, плюс все старшие! — Лиза принялась считать, сколько народу приведет Ольга. — Даже наши будут за нее, потому что она по-любому права. Ты танцевала с ее парнем. Поражаюсь просто, че ты молчишь?

— Он не ее парень!

— Это он тебе сказал?

— Нет!

— Тогда с чего ты взяла?

— Знаю! — На самом деле не знаю, зачем я это брякнула.

— Может, они поссорились, и он решил ей отомстить, или еще что-нибудь...

— Нет! — Я продолжила отковыривать белую плитку с надписью: «Я люблю тебя, Стас!»

— Откуда такая уверенность! Кошмар какой-то!

В этот момент пришла Тимофеева.

— Что? — глядя на наши кислые лица, спросила она.

— Ольга забила ей стрелу!

— П...ц! — только и сказала Тимофеева.

* * *

Мы пришли к самому началу. Почти никого не было. Лиза шутила на тему завещания, Юлька и Анька переглядывались. Неожиданный состав. Янка, которая считалась моей подругой, сказала, что я сама виновата и нефига с чужими пацанами танцевать. Еще была надежда на старших девчонок из моего дома, мы ждали их за столиками около бара.

Когда они, наконец, появились, то тут же стали учить меня драться:

— Хватай ее за волосы и бей об стенку! Тут самое главное — быстро! Она наверняка будет ногами — так что старайся увернуться, а иначе кабздец!

— Это бред — из-за парня драться! — скорчилась Катька.

— Да не из-за парня! Они на нее первые наехали. А Танюха тут вообще ни при чем! Это же он ее пригласил. Вот Ольга и бесится.

— А они разве не разбежались? Надька мне говорила — с концами. Типа, он ее бросил. Она вены себе пыталась порезать.

— Эта Ольга такая дура. А строит из себя «не плюньте рядом». Давно пора ей морду набить.

Подошла Надька и сказала, что через пять минут они нас ждут в женском туалете.

— Скоко их? — спросила Олеся.

— Хрен знает, ща пойдем посмотрим! — демонстративно разжевывая жвачку, ответила Юлька.

— Не ссы, прорвемся!

Когда мы зашли, там уже было много девчонок, и мы с трудом протиснулись между ними в маленькое пространство. Все притихли. Ольга стояла в центре, презрительно глядя на меня:

— Ну че, испугалась?

Если честно, то да. И больше всего я боялась, что она меня изуродует, все остальное, пожалуй, было не так уж и страшно. До этого я никогда не дралась с девчонками, только с братом, да и то скорее в шутку.

— Кого? Тебя, что ли? Не смейся меня! — изо всех сил, стараясь изобразить бесстрашие, сказала я.

— Значит, не боишься! — усмехнулась она. — Тогда давай один на один, на фига девок притащила?!

— Давай! — не подумав, ответила я.

Девчонки с ужасом и недоумением посмотрели на меня и вышли. Мы остались с ней вдвоем, с другой стороны стояла Надя и держала дверь.

— Какого х... ты с моим парнем танцевала?! — закричала она и подошла ко мне вплотную.

Ее глаза горели какой-то несказанной ненавистью. Она схватила меня за руки, вонзив длинные ногти в кожу.

— Ни хрена он не твой парень, так что не твое дело! — огрызнулась я.

Она резко оттолкнула меня к стенке. Я ударила головой о полуразбитое зеркало, висевшее над раковиной. Ольга снова подошла ко мне, попыталась ухватить за волосы, я успела удержать ее руки. Она была явно сильнее.

Я терпеть не могу, когда бьют по ногам, но если бы я не ударила, она окунула бы меня головой в раковину, многих девчонок уже били здесь об нее, от этого она треснула. Говорили даже, что одну девушку ударили головой о край, и она умерла. Ольга отпрянула, а затем тоже начала бить ногами, я пыталась увернуться. Ей удалось схватить меня за волосы. Я ударила ей в грудь, она достала нож и прислонила к моему лицу:

— Я тебе всю рожу расцарапаю!

И мне стало страшно по-настоящему, внутри все похолодело.

В этот момент вошла Наташка Кострова.

— Какого хрена ты здесь делаешь! — Оля повернулась к ней.

— Не трогай ее! — Наташка стояла и невозмутимо, скорее даже равнодушно смотрела. У нее были длинные светлые волосы до пояса, которые она носила распущенными, так что они окутывали ее и скрывали худощавую фигуру; азиатский разрез глаз сочетался с мелкими, едва заметными веснушками.

— Без тебя как-нибудь разберемся! Нам защитников здесь не надо! У нас все чин чинарем, по-честному! Один на один.

— Ты че, оглохла, что ли! Руки убери, не трогай ее! Тронешь ее — будешь иметь дело со мной! У тя совсем крыша поехала?! Хочешь проблемы, я тебе их организую! — Наташка отодвинула Ольгу, взяла меня за руку и провела к двери вперед себя.

— С ума сойти, ты за эту тварь заступаешься? — усмехнулась Ольга.

Мы вышли, около входа толпились девчонки, они смотрели на нас и перешептывались, почти никто не танцевал. Я отряхнула джинсы — на ногах уже чувствовались синяки.

— Спасибо! Никогда бы не подумала, что ты будешь за меня!

Хотя мы и жили в одном доме, но как-то не особенно дружили. Она меня недолюбливала из-за того, что отец привозил мне много красивых дорогих игрушек. Когда мне было года четыре, папа привез мне из Швеции серого ослика с розовыми ушами. Он мне очень нравился, я даже не засыпала без него. И вот однажды она зашла за мной и позвала гулять. Ослика я взяла с собой. Она посадила его на качели и стала качать. На улице было ужасно грязно и слякотно. Я боялась, что он упадет, и просила ее не качать. Она сказала, подумаешь, ну и что. И он упал в самую грязь, и сколько бы мы с мамой не пытались его отстирать — бесполезно. Я тогда безумно расстроилась, плакала целый день.

У Наташки никогда не было отца и игрушек тоже. Они жили очень бедно, доншивали одежду друг за другом, их было трое в семье — все девчонки. Мать, как могла, поднимала их — работала целыми днями. Но все новое доставалось старшей — Марине, да еще и Ильинский, который очень нравился Наташке, стал встречаться с Маринкой. За это она ненавидела ее лютой ненавистью.

— А я и не за тебя! Я это сделала только ради Коли, так что ему говори спасибо! — Она довела меня до столика, где сидел Коля.

Он повернулся к нам:

— Спасибо.

— Вот еще! — фыркнула Наташка и ушла.

Она сказала моим девчонкам, чтобы они ко мне пока не подходили, и они ее послушались.

Коля взял меня за плечи и усадил рядом. Мне совсем не хотелось разговаривать, тем более с ним. Было как-то стыдно и неприятно. Всё казалось нелепым. Коля достал из кармана платок, смочил его в рюмке с водкой и стал аккуратно смазывать ссадины, которые остались на моих руках от Ольгиных ногтей.

— Щиплет! — нахмурилась я.

Он подул на царапину.

— Не надо! — я попыталась выдернуть руку.

— Потерпи — до свадьбы заживет! Зачем ты стала с ними драться, не считаешь совсем!

— Затем! — разозлилась я, вскочила и побежала к выходу. Еще нравочений мне только не хватало! Почему-то он меня раздражал своей заботой, к тому же настроения совсем не было.

Он догнал меня на выходе:

— Ну прости, не обижайся! Я просто думаю, глупо это все, когда девчонки дерутся. Зачем? Ерунда какая-то.

Я рассержено посмотрела на него.

— Подожди — вещи возьму! — Он вытащил зажатый в ладошке номерок и пошел к раздевалке.

Коля проводил меня до самой квартиры.

— Пока! — сказала я.

А он стоял и как-то виновато смотрел на меня. Я молча ушла.

На следующий день около двенадцати кто-то робко нажал на звонок. Я подумала, что это мама вернулась из магазина, и открыла в чем была, то есть в старых рваных джинсах и рубашке брата. На пороге стоял Женя и улыбался:

— Привет!

— Ага! — только и ответила обалдевшая я.

— Выйди — поговорим!

Я покорно вышла, стыдливо прикрывая рваные джинсы.

— Я тут это. Хотел тебе сказать, извини вообще! Мне Колян про вчерашнее рассказал... — он замялся.

— А! — в полушоке говорю я. — Да ничего! Нормально все!

— По-дурачки вышло... Понимаешь, просто Ольга, она...

— Нет, не надо! Не говори ничего! Забыли! — перебила его я. Мне ужасно не хотелось говорить с ним об этом.

— Да, хорошо! Я понимаю все! Просто мы с ней расстались, и она хочет все вернуть назад! Психует из-за этого! Это пройдет!

— Ты только поэтому пришел?

— Нет! Я спросить хотел, ты пойдешь на дискотеку?

— Да нет, наверное, мне вчерашнего хватило! — улыбаюсь я. — А что?

— Не, ничего! Я так просто спросил, думал, может, с нами пойдешь?!

Удивленно смотрю на него, этого я не ожидала. Даже досадно стало, что отказалась.

— Ладно, пока тогда. Увидимся, — он вызвал лифт и уехал.

Я не видела его целую неделю. Стояли сильные морозы. В воскресенье я возвращалась от бабушки. Она живет в Королёве, это совсем недалеко от Мытищ, следующая станция по железке, или двадцать минут на автобусе, или тридцать пешком. Я забрала у нее чистое белье. У нас тогда не было стиральной машины, а у бабушки была, и мы иногда возили к ней постельное белье. Я прождала электричку минут сорок, попала в перерыв. Промерзла до костей, ноги не слушались, руки не шевелились, да еще ручка от пакета с бельем предательски врезалась через тонкие перчатки прямо в ладонь, из глаз текли слезы, а волосы от дыхания стали белыми. В электричке согреться я не успела, она шла минут пять, даже не семь. Поэтому, когда я вышла на третьей платформе в Мытищах и перешла через мост, окоченела еще сильнее. Женя шел мне навстречу со стороны «Химволокна» в расстегнутой куртке со свисавшим шарфом, за ним шли ребята с магнитофоном, из которого орала Metallica. Они обогнули памятник Ленину, который почему-то стоит лицом к заводу и спиной к вокзалу, вокруг него растут высокие ели, а по периметру — низкая ограда.

— О, привет! Ты откуда тут? — Он увидел меня и остановился, остальные начали подниматься на мост.

— Из электрички! — еле-еле разжав смерзшиеся губы, ответила я.

— Хорошо, что я тебя встретил! Поговорить с тобой хотел! — выдыхая пар изо рта, сказал он.

— Женька, блин! Че ты там застрял?! Электричка идет! — заорал Сашка с моста.

— Ща, иду! — отмахнулся он. — Ты будешь со мной встречаться?

От смущения у меня еще сильнее заплыли щеки и потекли слезы, говорить я не могла совершенно, только смотрела на него, вытаращив глаза.

— Тебе холодно? — Он стал снимать с себя куртку.

— Нет! — я замотала головой, останавливая его.

— Я тут уезжаю где-то на месяц, сессию надо сдать. Так что ты подумай, хорошо?!

— Угу! — растерянно киваю.

— Женька!!! — еще громче заорали ребята с платформы.

— Всё, извини, пора бежать! Но ты подумай! Слышишь, подумай! — последнюю фразу он крикнул уже с моста.

На деревянных ногах я влезла в автобус, наскребла по карманам мелочь. Раньше у нас в городе были бесплатные автобусы, правда, и народу было больше, так что вылезти на своей остановке почти нереально, вот так мы и катались от станции до Леонидовки. Это район, следующий за Техасом, границей между ними является «китайская стена» (это самый длинный дом в Техасе, поэтому его так и прозвали).

Вечером Лиза убеждала меня, что это очередная подстава, что так не бывает. И я почти с ней согласилась. А на следующий день, когда я пришла домой, столкнулась с матерью и отчимом, они были пьяные. Мы поругались, он ударил меня, наверное, это громко сказано, шлепнул, но для меня это был кошмар, меня ведь раньше в семье никто и никогда не бил. Я пошла к Лешке в комнату, вцепилась в него и громко зарыдала. Потом был большой скандал, и даже драка. К вечеру поутихло. Мы сидели вдвоем с братом в его комнате, обнявшись. По первому каналу тогда шел «Терминатор», Леша его записывал. Мы решили, что уйдем жить к бабушке. И может быть, все и успокоилось бы, но снова пришел он и, не слова не говоря, забрал у нас телевизор. Скандал разгорелся с новой силой, они опять подрались, кто-то вызвал милицию. Парень в форме о чем-то меня расспрашивал, я не понимала его и говорить отчего-то могла с трудом, только кивала или мотала головой.

Их забрали в участок, я осталась плакать у себя в комнате. Закрыла глаза и, даже не знаю как, заснула. Обычно я плохо засыпаю, тем более одна в квартире, я боюсь. Но это было не так, как всегда, будто меня кто-то убаюкивал. Сон это был или явь — даже сейчас не могу сказать точно. Я лежала в большой колыбели, ее кто-то слегка раскачивал. Вокруг все было покрыто дивным светом и музыка необыкновенная, тихая, но очень мелодичная. Рядом стояли, как их правильно назвать, думаю, это были ангелы, и золотое свечение исходило от них. А еще необъяснимое, непередаваемое, несказанное чувство счастья, покоя, умиротворенности и доброты. Они словно утопали в этом волшебном свете, и только очертания их лиц были четко видны. Среди них был Он, я узнала его, я видела его в церкви на Кресте и на прабабкиных иконах. Он улыбнулся мне, теплой и ласковой улыбкой.

Дверь открыли ключом, я проснулась и больше в ту ночь уже не спала. Брат переехал к бабушке, а я осталась. Мне кажется, я его тогда потеряла. Мы редко видимся, еще реже разговариваем. Мы встали по разные стороны баррикад и стали пушечным мясом в войне наших родителей.

* * *

Домой идти теперь совсем не хотелось, поэтому я шаталась по подругам и разным компаниям. Однажды мы зашли в квартиру к Мишке. Такого я не видела никогда, как будто после урагана, вещи в хаотичном порядке разбросаны по квартире, мебели почти нет, на полу матрас и старенький телевизор, на кухне электрическая плитка и грязный, уставленный пустыми банками стол. Я, конечно, знала, что его мама пьет, но такого точно не представляла. Он жил с матерью и сестрой, Юлькой. Мы с ней как-то незаметно подружились. Стали гулять вместе, она перезнакомила меня почти со всем Техасом. К тому же на улице стало теплеть, приближалась весна и каникулы. Я зашла к ней как-то днем после школы, и она торжественно сообщила мне, что влюбилась.

— В кого?

Она загадочно улыбнулась:

— В Козаковых!

— Что, сразу в двоих?

— Да нет, в одного, но второй тоже ничего!

— У одного из них есть девушка, только не знаю у какого! — некстати вспомнила я.

— Сейчас узнаем! — обрадовалась Юля.

Она взяла телефон и набрала на нем какой-то номер.

Я горько вздохнула, недавняя ее любовь к Киму еще не зажила. После того как он не ответил ей взаимностью, а вернее, послал, она вырезала его имя лезвием у себя на руке.

Сашка Казаков, видимо, оказался вежливее Кима и после взаимного хихиканья и болтовни по телефону даже пригласил ее, то есть нас, к Филе.

— Мы сейчас прям пойдем? — спросила я.

— Ага! Только мне надо отдать кое-что! — она достала из-под ванной небольшой белый сверток. В нем был «план».

— Ты спятила?! — я встревоженно посмотрела на нее.

— Понимаешь, я бы не стала, просто деньги нужны! Не бойсь, я мигом! В подъезде меня пождешь!

Я прождала ее около двух часов и пошла к Филе, он жил в этом же доме, только в другом подъезде. Подумала — вдруг она там. Но ее там не оказалось. Дверь мне открыл Ким.

— О, хорошо, что пришла, а то у нас тут скучно! — он силой втопнул меня вовнутрь и захлопнул дверь.

Я испуганно отшатнулась к стенке.

— Кто там? — из-за двери выглянул Коля.

Увидел меня и обрадовался, сказал, что искал меня по все знакомым, спрашивал, куда я пропала, домой ко мне сто раз заходил. Я не знала, что ему на все это ответить. Рассказать про то, что произошло дома? С чего вдруг? Да и какое ему до меня дело? Он все равно бы не понял, а я не смогла бы сказать, наверное, никому, даже Лизе. Поэтому я решила просто уйти. Но Коля меня остановил:

— Останься! Посиди вместе с нами, клёвыми пацанами! Я тебя провожу потом, а то как ты щас одна пойдешь, темно уже! — рассудил Коля, видимо слегка поддатый.

И я согласилась. В квартире было две комнаты. В одной горел торшер, играла музыка, из прикрытой двери доносился визг и хихиканье, кто-то танцевал. В другой за накрытым столом сидел Сёма и играл на гитаре, Филя, Сашка и Серега подпевали ему:

Туманный вечер на город опустился.
Погасли свечи, и дело шито-крыто.
Укутав плечи, гуляют синьорины.
В магнитофоне кассета Чилентано.
А мы на сломе, и снова пьяно, пьяно.
Давайте деньги, очки, штаны, бокалы.
В кармане кэмэл и три пакета плана.
Где беломора достать? Закрыты уже магазины.
Где беломора достать? Хоть пачки половину.
Где беломора достать? Ну подскажите, сеньоры.
А не то я напьюсь.
Повсюду панки в американском свете.
А мы не янки, мы плановые дети.
Мы любим фанту, варенье и конфеты,
И на Таганку мы не берем билеты.
Предпочитаем вино и дискотеки
И уважаем страну, где жили греки.
Но забиваем косую для утех,
И так бывает, что с нами плана нету...

Сёма раньше пел романтические баллады, особенно трогательно у него получалась «Снежная королева»:

Ты такая нежная, королева снежная,
распустила волосы, да не слышно голоса...

А потом у него сломался голос. Как-то он вышел во двор и забасил:

Эх, вы кони, мои кони...

Коля положил мне еду на тарелку, налил сок и вино. Я хотела отказаться, но потом подумала,

что надо на всякий случай поесть, мало ли что творится дома. Мне в тот момент было тоскливо, все казалось каким-то бессмысленным и не нужным. Хотелось куда-нибудь исчезнуть, провалиться под землю и чтобы все оставили в покое.

Мы потанцевали немного.

— Я наверно, пойду уже.

— Еще же рано! — запротестовал Коля. — Вон, токо восемь! — он указал на часы.

— Мне еще уроки делать! — неожиданно соврала я. По правде говоря, в школе я скатилась до троек. С гуманитарными дисциплинами еще кое-как, а физику и математику решала Лиза. Мне было наплевать.

Коля вздохнул и пошел меня провожать. Он в тот вечер много всего говорил. А я почти не слушала. Я так жалею теперь, что не слушала его тогда. Ведь он говорил что-то важное, что-то хотел объяснить. Рассказывал даже про детдом, про родителей, что он совсем их не помнит. Я в тот момент подумала, лучше бы и мне не помнить. Можно было бы придумать их в своем воображении, придумать самыми замечательными на свете, самыми добрыми и верить, что они такие и есть.

Он учил меня свистеть, а у меня все никак не получалось. Выходило только какое-то сдавленное шипение. Мы долго стояли в подъезде. Он говорил тогда, что хочет стать врачом, чтобы вылечить всех людей, чтобы никто не болел. А я сдуру спросила его, не знает ли он, когда придет Женя. Он загрустил, сказал, что не знает, и ушел.

На следующий день я пошла к Юльке. Из квартиры доносился запах гари и вылетали клубы дыма. Дверь была открыта, на кухне сидели наши мальчишки. Они учились со мной в одном классе, редко ходили в школу и были двоечниками. Их родителей все время вызывали. Они, когда были трезвыми, что случалось редко, вспоминали, что у них есть дети, кричали и били их за двойки. Некоторых даже избивали ремнем, после чего те убежали из дома. Учителя срывались на них, а они, будто бы назло, начинали вести себя еще хуже. Еле-еле их перетаскивали из класса в класс, но окончить школу они так и не смогли.

— Что вы тут делаете? — спросила я, отмахиваясь от дыма.

— Блины жарим! — обрадовался Мишка, Юлькин брат. — Хочешь? — Он протянул мне тарелку с черными, сгоревшими кругами, смутно напоминавшими блины.

— Нет, спасибо! — я пошла в комнату в надежде найти Юльку.

В комнате на матрасе сидел Петрухин. У него то сужались, то расширялись зрачки, казалось, он задыхается. Опять надышался клеем. Взрослые ребята говорили, что он смешной, когда нюхается, с раковинкой целуется и всякие номера откальвывает. И нарочно давали ему нюхать, чтобы повеселиться. А потом сам пристрастился. Дома он почти не жил, боялся матери, она его сильно била.

Олег резко повалил меня на матрас. Попытался расстегнуть ремень у меня на юбке, но тот никак не поддавался. А я выбивалась.

— Чего ты дергаешься, ты же моя девушка! — прохрипел он.

— Нет. У меня парень есть! — заорала я, пытаясь выбиться из его стальных объятий.

— Кто? Кто он? — у него был такой детский взгляд. Удивительные большие глаза небесного цвета.

— Женька! — крикнула я.

— Женька? Не гуляй с ним, не надо! — испугался он.

— А тебе-то что? Ревнуешь, что ли? — разозлилась я.

Петрухин мотнул головой. Он ослабил хватку, я вырвалась и побежала в ванную. Села и заплакала. Мишка зашел, виновато глядя на меня.

— Зеркало! Принеси мне зеркало! — захлебываясь слезами, потребовала я.

Он притащил небольшой осколок. Не знаю, уж откуда он его взял. Волосы взъерошены, из губы течет кровь, поранилась об часы, уворачиваясь от поцелуев Петрухина. Умылась, расчесалась и спросила Мишку про Юльку. Он пожал плечами. Стало понятно, что он ничего не знает. В дверях я встретила Долгополова, еще один мой одноклассник, с Бергой, это его собака породы ротвейлер. Они пошли меня провожать.

Долгополов всегда был умным и отличался от двоечников тем, что учился. Правда, только когда приходил в школу. Он много читал. В пятом классе сразил нашу учительницу тем, что прочитал всего Яна. Я в то время даже не знала, кто это. Его считали способным, но учиться он не мог. Ему приходилось сидеть с младшей сестрой. Родители были заняты бизнесом. Они торговали проститутками. Нанимали молдаванок, хохлушек и прочих. Снимали им квартиру. Мы как-то ходили туда с Юлькой, она дружила с одной из девочек. Я тогда не поняла, кто она. У нее было странное имя то ли Лина, то ли Лима — не помню. Очень грубая и как будто злая на весь мир.

Но всем этим в основном занималась его мать, а отец пил. Часто вместе с моей матерью, иногда они пили все вместе. Именно к ним я ходила тогда одна в пять лет.

Долгополов знал, где Юлька. Но не сказал мне. Может, всё еще злился, что из-за меня не состоялась его карьера флаерщика (флаер — это такой кусочек картона с картинками и надписями, который при входе в клуб позволяет платить за вход по льготному тарифу. В «Индиане Джонс» вход с флаером стоил двадцать рублей, без — тридцать пять). Чтобы стать флаерщиком, нужно было, чтобы по твоим флаерам прошло определенное количество людей. У каждого флаерщика был свой личный ник и подпись. Так вот, Долгополову не хватило одного флаера, который он отдал мне, а я по нему не прошла. Флаер этот сохранился, дома лежит, на память. А Долгополов до сих пор припоминает, вот, мол, все из-за тебя.

Юлька вернулась на следующий день вечером с фингалом под глазом и разбитой губой. Она ничего мне не сказала, просто тихо закрылась в ванной. Всё было и так ясно.

Два дня я сидела дома. Ругалась с мамой. Она кричала, что я целыми днями шляюсь черт-те где, ничего не делаю, поздно прихожу и прочее. С ней такое случается. Она может не замечать меня неделями, а потом, вспомнив, что я есть, кидается меня обнимать. Или вдруг ни с того ни с сего спрашивает, как дела в школе, хотя никогда этим не интересовалась. Меня это ужасно пугало. Я же потом чувствовала себя виноватой. А она говорила, что я сама ничего ей не рассказываю и не хочу с ней играть. Дескать, такой самостоятельный ребенок. Я уже с этим смирилась, но зачем тогда делать мне лишний раз больно.

Вот и на этот раз то же самое, очередной приступ заботы. Я закрылась у себя в комнате и слушала музыку. Месяц назад мой брат купил музыкальный центр, он очень долго на него копил. До этого у нас был только магнитофон, который папа привез из Германии, лет десять назад. Его столько раз швыряли, что кассетные дверцы полностью вылетели, а он все работал. Скажу больше — работает и теперь.

Когда я не могла заснуть, Лешка принес мне в комнату новенький музыкальный центр. Я слушала радио всю ночь, думала, он его забрет утром. А он не забрал, сказал, что купит себе еще. Я не поверила, Лешка так мечтал о нем, а тут вдруг просто отдал мне. Центр остался, а брата нет.

* * *

Женя появился, когда я уже его не ждала.

— Твой ответ понимать как «нет»? — сердито спросил он прямо с порога.

— В смысле? Какой ответ? — не понимая, переспросила я.

— Я слышал, ты тут с Колей?!

— Что с Колей?

— ...танцуешь.

Я изумленно посмотрела на него.

— Танцуй дальше! — он развернулся и хотел уйти.

— Подожди! — я взяла его за руку. — Причем тут Коля?

— Тебе виднее!

— Бред какой-то! Ты чего?!

— Говорят, что ты с ним гуляешь!

Я засмеялась:

— Больше ничего не говорят? Это же ерунда!

Он смотрел на меня, прищурив глаза.

— Не встречаюсь я ни с каким Колей! Вас подло обманули!

— Правда? — все еще недоверчиво, но уже с улыбкой, переспросил он.

— Да, правда-правда. Кто тебе сказал такую глупость?

— Неважно. Проехали.

Женя засмеялся.

— Как твоя сессия?

— Отлично! Лучше всех!

Поднимаюсь чуть выше по лестнице, Женя идет за мной. Я прислоняюсь к зеленой стене, на которой черным маркером красуется надпись: «Таня + Олег = любовь».

— Кто это писал? Любовь пишется через «ю»! — замечает Женя.

— Да это Олег Петрухин!

— Парень твой?

— Да нет! Ты что?! — смеюсь я.

— Так ты подумала? — вспоминает он.

— Да! — говорю я, стараясь не смотреть ему в глаза, разглядываю надписи на стене.

— Что — да? — он поворачивает меня лицом к себе и прижимает к стене.

— Ну да! Я согласна! — приходится смотреть ему в глаза.

— На что согласна? — нарочно издевается, видит, что я стесняюсь.

— Ну, быть твоей девушкой! — говорю я и опускаю глаза.

Он смеется, но как-то по-доброму. Подхватывает меня на руки и несет вниз.

— Гулять пойдем?

— Сейчас? — спрашиваю я.

— Не, мне надо вещи разобрать. Приходи через часок ко мне, предки всё равно в Москве. А там решим.

Я киваю в ответ. Он ставит меня на пол.

— Всё, тогда жду тебя. — Женя поднимается по лестнице.

Я вбегаю в квартиру, не зная, куда деться. Переворачиваю весь шкаф вверх дном. В итоге надеваю топик и джинсы клеш. В это время как раз вернулась мода семидесятых: клешеные брюки, свитера и водолазки с фактурой «лапша», ботинки на платформе и прочее. Джинсы я выпросила у папы, для этого мне пришлось целый час решать математику.

Накрасилась маминой косметикой. Она разрешала мне краситься, а бабушка нет. Поэтому, когда я жила с бабушкой на даче, после дискотеки приходилось незаметно всё стирать листьями в лесу.

В тот раз я переборщила и в конце концов все смыла. Я не любила краситься, чувствовала себя как-то неестественно, как кукла. Ни лишних движений, ни эмоций — приходится следить, чтоб не размазалось, не растеклось.

Через час я стояла около его квартиры, и у меня предательски тряслись руки. Он открыл мне дверь почти нагишом. Я покраснела и отворнулась. Это был шок. Я никогда не видела голых мужчин, разве что нарисованных в книжке. Но чтоб так...

— Я тут стираю! Ты заходи, не стесняйся! — весело сказал он.

В замешательстве я все также стояла, не двигаясь с места, стараясь не смотреть на него. Он это заметил.

— Да ладно, не бойсь. Я оденусь сейчас!

Робко сделала пару шагов вовнутрь квартиры. Длинный коридор, в антресоли вбит турник, две комнаты по бокам — закрыты, в третьем видно кусок дивана и паркет, кухня слева.

— Проходи на кухню, садись! Я щас! — он скрылся в ванной.

Кухня из дерева, уголок из коричневой кожи, подоконник весь в цветах, на плите что-то варится. Я села на табуретку и стала рассматривать рисунок на бежевой плитке. Вскоре появился он в черных джинсах и светлой рубашке нараспашку.

— Ты чего меня стесняешься? Ты же теперь моя девушка!

— Я просто никогда... понимаешь...

— Что, серьезно — никогда? — он удивленно посмотрел на меня.

Я мотаю головой.

— Н-да! Сюрприз!

«Вот дура! — подумала тогда я. — Могла бы и притвориться! Зачем я ему нужна такая? Всё, теперь он точно не будет со мной встречаться!»

— Есть будешь?

— Не, я ела дома, спасибо!

— Слушай, брось стесняться! Ешь давай! — он положил мне в тарелку три большие карто-

фелины, на них сверху расплавленные кусочки сыра. — Фирменное блюдо: картошка с сыром. Больше все равно ничего нет, а в магазин идти лень.

Мы стали молча жевать.

— Ну че, куда пойдём? — вдруг спросил он.

Я пожалала плечами.

В этот вечер мы пошли на дискотеку с его компанией. Было весело, ребята шутили. Один Колька был какой-то грустный, долго о чём-то разговаривал с Женей, а потом и вовсе ушел, не прощаясь.

Мы протанцевали все медляки вместе. Он проводил меня до квартиры и спросил, можно ли меня поцеловать.

— Нет!

— Почему?

— Я не умею! — честно призналась я и подумала, что это конец.

— Хочешь научу! — обрадовался он.

Я кивнула.

— Рот расслабь и приоткрой! — поучительно сказал Женька.

Я широко открыла рот и закрыла глаза.

Женя захихикал.

— Ну, что не так? — обиделась я.

Он поцеловал меня по-настоящему, по-взрослому. Но вначале мне показалось, что он слишком далеко залез языком. Нелепое ощущение: чужой язык во рту. Это случилось совсем не так, как я представляла.

Женя всегда целовался безумно нежно: наклонялся ко мне, дотрагивался рукой до шеи, тихонько приподнимал голову и жадно, будто пытаюсь проглотить, целовал меня. А потом скользил руками вниз по спине и, когда доходил до талии, резко прижимал меня к себе. Легкая дрожь пробегала по всему телу, и я не помнила себя. Мы могли целоваться часами, ничего не замечая, не чувствуя ни обветренных губ, ни времени, которое летело с бешеной скоростью, мелькая цифрами в календаре. Он поднимал меня на руки и кружил по всей комнате, а у меня кружилась голова.

* * *

Я рассказала ему о себе почти всё. Он рассказал, что учится на юридическом факультете в МГУ на заочном. У него была золотая медаль в школе. Он всегда хорошо учился. Говорил, что хочет заработать много денег, открыть свою фирму, купить машину. А я спорила: разве деньги так важны? Женя считал, что в нашем мире без денег не выживешь. Мы тогда болтали ночи напролет.

Его родители получили квартиру в Москве и переехали туда, а эту оставили Женьке. О них он рассказывал мне совсем мало. Его отец, Анатолий Сергеевич, военный, поэтому они все время переезжали из города в город. Женя родился в Тольятти, когда ему было года три, Анатолия Сергеевича перевели в управление и они переехали в Мытищи, здесь жила его мама, Женина бабушка. Здесь же через десять лет родилась его сестра Люда. Я ее частенько видела во дворе, она дралась с мальчишками и была жутко вредной девчонкой. Его мама как-то приезжала, для своих лет она очень хорошо выглядела. Я приняла ее за девушку, и Женьке долго пришлось доказывать мне, что это его мама. Когда она увидела меня, сказала, что это черт-те что, впрочем, по ее словам, это соответствовало его кругу общения. Она кричала, что не за этим его вырастила, и все в том же духе. Она всю жизнь очень громко кричала по поводу и без, меня всегда удивляло, как Женя может сидеть и спокойно слушать, не обращая внимания. Когда она приезжала, он готовил ей еду, мыл посуду и убирался. Я спросила, почему он всегда всё сам делает, почему его мама ничего не делает.

— А у мамы маникюр! — вот и всё, что он мне ответил.

Он встречал меня из школы. Мы очень сблизились. Если у меня что-либо случалось, я бежала к нему. Он стал для меня убежищем от ада, что творился дома, ему я была нужна, его интересовали мои проблемы. Я почти перестала замечать окружающий мир, было все равно, что там творится. Он был очень ласков со мной. Я считала его самым близким и самым родным. Только он меня понимал. У нас даже сердца бились одинаково. Я писала у себя в дневнике, что люблю его безумно. В действительности, я тогда даже не знала, что такое любовь. Впрочем, и сейчас не возьмусь сказать точно. В то время мне легко давалось это слово, а когда на самом деле поняла, что люблю, — стало сложно.

Мы совсем не ссорились, не было повода. Он дарил мне цветы и подарки. Устраивал всякие сюрпризы.

Однажды днем, когда я мыла окна у себя в комнате, он крикнул с улицы:

— Выйди на балкон!

— Зачем?

— Ну выйди, увидишь!

Я вышла. Он отпустил красный шарик-сердечко, к которому был привязан плюшевый белый мишка, и сказал:

— Это тебе! Лови!

Я едва успела его схватить:

— А если бы я не поймала! — рассердилась я.

— Значит, улетел бы! — он пожал плечами.
— Спасибо!
— Я вечером зайду!

* * *

Это было самое счастливое время. Весна в самом разгаре. Мы каждый вечер гуляли или сидели у кого-нибудь дома. Пели под гитару разные песни. Как-то в мае Ким с Лешим как раз орали «Кино»:

Солдат шел по улице домой и увидел этих ребят.
«Кто ваша мама, ребята?» — спросил у ребят солдат.
«Мама — анархия, папа — стакан портвейна...»

Ко мне подошел Коля:

— Пойдем, пройдемся? Мне тебе что-то сказать надо!

Он принес большой букет сирени, самой разной. И откуда он столько взял? Мы давно с ним не разговаривали и не виделись, он пропал куда-то. Мы шли по песчаной дорожке, мимо медухи к ЦРБ, она находится справа от стадиона «Торпедо». Там — небольшой сквер с лавочками. Я вдыхала запах сирени — он молча шел рядом.

Больница была большая. Дикие яблони уже зацвели. Я вспомнила тетю Иру, она всегда собирала эти яблоки, варила из них варенье. Она была маминой подругой, из всех ее подруг алкоголичек самой доброй. Они познакомились на кладбище, когда мама хоронила своего очередного бой-френда, который помер от пьянки. Тетя Ира оказалась его родственницей. Они вместе ушли в запой по этому поводу. У нее была дочка, которую она очень любила, звала ее Лёлей (ее имя Оля). Оля ее ненавидела и забирала у нее все, что она зарабатывала. Последний раз она устроилась чистильщицей рыбы. Работать было тяжело, у нее все время болели руки. Когда Оля вышла замуж и ушла жить к мужу, тетя Ира бросила работу и окончательно спилась. А через месяц сгорела в собственной квартире, не потушила окурков и заснула. Пожар был страшный, дом очень старый, перекрытия деревянные. Мне и вправду было ее очень жаль.

— О чем ты думаешь? — Коля заметил, что я задумалась.

— Ни о чем! — не рассказывать же ему про тетю Иру.

Мы наконец-то добрались до лавочки и сели. Я выискивала в букете цветов с пятью лепестками, чтобы загадать желание. Коля по-прежнему молчал.

— Что ты сказать хотел?

Он замылся, очевидно не зная, с чего начать.

— У меня никого нет из близких, кроме вас с Женькой. Вы самые дорогие мне люди. Я никому никогда не рассказывал то, что рассказывал тебе.

— Коль, да что случилось-то? — перебила я.

— Я попрощаться хотел, вдруг не увидимся больше!

— Как это попрощаться?

От главного корпуса прямо к нам шли Филя с Сёмой.

— Я в армию ухожу! Повестка пришла!

Коля их не сразу заметил. Они подошли к нам.

— Здорово! — Филя пожал руку Коле.

Сёма сделал тоже самое.

— Ну че, уходишь? — спросил Филя.

Коля кивнул.

— На хрена? — возмутился Сёма. — Че те делать, б.., больше нечего?

— Я ему говорил, давай денег соберем — отмажем! А он уперся, как баран, пойду служить! — поддержал Филя.

— Да шел бы ты! — отмахнулся Коля.

— Не, я ты не понимаю, Колян! — не унимался Сёма.

— Да хорош уже! Отвали ты от него! Решил так решил! Че теперь?! Мы те шикарные проводы устроим, всем Техасом! — Филя крутил на руке толстую цепь.

— Слышь, пойдем! Нам еще к Толстому тащиться! — вспомнил Сёма.

— Лано, короче, вечером у Сашки!

Они ушли.

Мы посидели еще минут пять и тоже побрели к дому. Он думал о чём-то своем, а я просто не знала, что говорят в таких случаях.

У самой квартиры он попросил:

— Дай мне фотку на память!

Не люблю фотографироваться, получаюсь всегда по-дурацки, не нравлюсь себе. Отдала ему фотографию, на которой смеюсь, стою, прижавшись к двери. Меня фотографировал брат, она показалась мне самой удачной.

Мне стало ужасно грустно, я не хотела, чтобы Коля уезжал. Обняла его и заплакала. Было такое чувство, будто я потеряла, что-то драгоценное. Будто сейчас все изменится, а остановить это я никак не смогу. Это хуже всего, когда ощущаешь, что сделать ничего нельзя.

— Малыш, ты чего загрустила, а?! Подумаешь, армия! Ты чего?

— Не хочу, чтобы ты уезжал!

— Перестань, два года всего. Это ерунда!

Я заплакала, и он как-то по-особому прижал меня к себе. Так прижимают родных. Я знаю, что

ему было тяжело, но он никогда не показывал вида. Только по тоскливому взгляду его бледно-зеленых глаз можно было догадаться.

Проводы действительно вышли шикарными. Много народу и выпивки. По очереди все говорили тосты. Больше всего мне почему-то запомнился тост Филимона. Он встал с серьезным лицом и сказал:

— Было два друга. Ну, один влюбился в девушку. Ну, типа туда-сюда — шуры-муры. Решил на ней жениться. Пошел к родителям просить руки. Ну значит, приходит. Отец девушки говорит, если хочешь, чтоб я ее тебе отдал, то ты должен провести в ледяной пещере на горе три дня и три ночи прикованным. Ну, тот подумал, согласился. В пещере снег, лед, холодрыга. Приковали его. Первая ночь, ему холодно. Уже синий весь, замерз, чуть ли не до смерти. Раз, вдалеке около выхода из пещеры разгорелся гигантский костер — согрел его. Вторая ночь, снова ему холодно, снова прямо в последний момент костер разгорается, опять его согревает. Наступает третья ночь — то же самое. Из ниоткуда появился костер супергигантских размеров — согрел его. По истечении третьего дня пришел отец девушки, снял с него оковы. Все, типа, ты выдержал, давай к свадьбе готовиться. Тот на радостях бежит к другу. Прибегает к нему, ну, стучится — выходит мать парнишки. И говорит, что он умер. Он у нее естественно спрашивает: «Как? Из-за чего?» Она ему отвечает: «Когда ты в первую ночь в пещере был, он собрал весь хворост, который нашел вокруг пещеры, и развел костер, чтобы тебя согреть. Во вторую ночь он вынес из дома все, что горело, и снова разжег костер, чтобы тебя согреть. В третью ночь он не нашел ничего, что можно было жечь, чтобы тебя согреть, и поджег себя». Так выпьем же за настоящих друзей!

— Во блин ты загнул! — удивился Сёма.

Все чокнулись.

— Да лано, Колян, дембель не девушка — мимо не пройдет! — обнадежил Филя.

— О, наконец-то, родная зажигалка! Э, слышь, откуда она у тя? Неделю уже ищу! — обрадовался Филимон, глядя на закуривающего Сёму.

— У Наташки на кухне нашел!

— Угу, тихо спи...л и ушел, называется нашел!

— Так, тихо вы, черти, не жужжите! — сказал Ким. — Колька, раз уж ты идешь отдавать долг, который не занимал, желаю тебе, чтобы ты его побыстрее отдал. Если в пеленках не сдох, не сдохнешь и в портянках. У меня же брат служил на зоне, и ничё, жив-здоров, проблем не знает. Одним словом, служи, как наши деды.

Потом встал Сашка Козаков:

— Ща, пацаны, я реальный армейский тост вспомнил. Слушайте, короче, стихотворение:

Я пью за то, что не сбилось,
За запах девичьих волос,
За неотправленные письма,
За телеграмму «Замуж вышла»,
За суету внутри казармы,
За годы, что пропали даром,
За королеву черной масти,
За отпуска военной части,
За марш-бросок, глухие стоны
И за старшинские погоны,
Что упадут тебе на плечи,
Как звезды в этот теплый вечер!

— О, ты смотри, выучил! — удивился Сёма.

Тостов говорили еще много, шутили. Жёня с Колей потом ушли и пили вдвоем.

Утром мы проводили его до военкомата. Он улыбнулся на прощание, как-то по-детски, больше он так не улыбался уже никогда. С тех пор прошло много лет, а я все еще помню эту улыбку — грустную, наивную. Если бы Коля знал, что ждет его там! Если бы знал!

* * *

Через неделю все вернулись к своим делам и забыли думать про Колю. Жизнь продолжалась и как никогда была полна красок и чудес. Мы все также бегали по дискотекам, собирались компаниями. Случались, конечно, мелкие драки, но кто придавал им значение.

Около «Индианы Джонс» стояли старые деревянные дома. В них жили люди, и они были не в восторге от такого соседства. Постоянные сборища пьяной молодежи, всякие стрелки, громкая музыка и прочее. Какой-то мужчина, дом которого был ближе всего, решил разобраться. Его забили ногами пятеро ребят. Он выжил, но остался инвалидом. Его жена потом кричала на нас, что мы нелюди, твари, сволочи...

Я видела только, как его увезли в больницу. И многого не знала. Но мне стало жутко от всего этого.

Я спросила Женьку:

— Что случилось?

— Да хрен какой-то начал на наших пацанов вырубаться. Сам нарвался, первый полез! Не х... выё...ся!

Мягко говоря, я была потрясена. Успокаивала себя тем, что Жени там не было.

Спустя два дня мы с Женькой попали под ливень. Пока добежали от Фили домой, промокли до нитки. Я люблю дождь, многие боятся про-

мокнуть, а я нет. В детстве мы с Кристиной все время танцевали под дождем босиком, прыгали и радовались, что идет дождь, пока бабушка не загоняла нас в дом. Кристина — это моя первая подружка, соседка по даче. Мы дружили очень близко, а потом мама увезла ее с собой в Америку. Я очень скучаю по ней. Не знаю, вспоминает ли она обо мне или забыла. Нам было всего по шесть лет, когда мы виделись последний раз. Поэтому, когда идет дождь, я всегда вспоминаю о ней.

В тот день дома у меня никого не оказалось, и ключей у меня тоже не было. Поэтому мы пошли к Жене. Он принес полотенце и попытался снять с меня майку. Я скрестила руки на груди и замотала головой.

— Одежду нужно снять! Она мокрая! — настаивал он.

Я отчаянно вцепилась в нее.

— Ты меня боишься?

Я замотала головой и покраснела, как помидор.

— Снимай, отдай мне, я повешу! Там на кровати чистая рубашка! — он отвернулся и вытянул руку, чтобы взять мокрую одежду.

С одной стороны, мне было страшно, и я стеснялась жутко, а с другой стороны, мне хотелось быть с ним по-настоящему. Хотя я и не знала, как это — по-настоящему.

Все вокруг говорили, что ему это нужно. А он сказал, что подождет. У него было много девушек. Они с презрением смотрели на меня, считали наши с ним отношения несерьезными. Ольга даже как-то пришла к нему, кричала, что он променял ее на какую-то малолетку:

— Ты ведь даже не спишь с ней!

Женя говорил тихо, поэтому плохо было слышно, я сидела в его комнате, пытаюсь разобрать каждый звук. В итоге он ее выпроводил и вернулся ко мне. Я заплакала.

— Ты чего? — обнял меня.

— Почему ты со мной не спишь? Ты меня не любишь? — спросила я сквозь всхлипывания.

— Дурочка, я тебя очень люблю! Просто рано еще! — он вытирал мои слезы ладонью и гладил по щекам.

— Когда будет не рано? — рассердилась я

— Когда мы будем ем и же! — он всегда так говорил, и его никто не понимал. Все сразу спрашивали, что это значит. Только я знала — мужем и женой.

Я сняла одежду и прижалась к нему голым холодным телом. Он повернулся. Минут пять мы стояли, тесно обнявшись. Было слышно, как стучит его сердце быстро-быстро. Когда я насчитала шестьдесят ударов, он взял меня на руки, отнес на кровать и закутал в одеяло.

— Ты замерзла совсем. Я сейчас чай сделаю, — и ушел на кухню.

С того дня мы стали спать в одной кровати. Обнимались и засыпали. Он всегда был такой теплый, а я мерзну все время. Мне нравился его запах, он пах чем-то очень родным. Когда я была маленькой, моя мама пахла так же, или, по крайней мере, мне так казалось. Это, наверно, глупо звучит, но я успокаивалась и засыпала. Я часто оставалась у него ночевать.

Иногда он уезжал на футбол с ребятами, болеть за «Спартак». На обратной дороге они обычно ехали либо в трех последних вагонах, либо в первых, в Лосинке заходили болельщики ЦСКА, и начиналось месиво. Порой было непонятно, где свои, а где чужие; некоторых ребят задушили шарфами; с дребезгом вылетали стекла, полвагона — залито кровью. Самые маленькие пытались выпрыгивать на полном ходу или прятались под лавками. На следующей платформе все выходили с пробитыми головами.

Он не хотел, чтобы я его видела таким. И я ночевала дома. Дома было хуже. Помимо родителей, у меня еще «замечательные соседи». На втором этаже, под нами, постоянные скандалы. Машка пьет, а мать бьет ее за это и выгоняет из дома. Маша валяется в подъезде или на улице, один раз даже врзалась в продовольственную палатку. Впрочем, сейчас мало что изменилось, разве что хуже стало. Музыка врубает в три часа ночи и днями напролет. Включит и заснет.

Соседи сверху — сколько себя помню, постоянно стучат, пилят и ремонтируют. Казалось бы, уже тысячу раз сделали перепланировку: из четырех комнат — две и большую кухню; ванную с туалетом объединили. Что еще? Так нет, каждый день сверлят. Стены в дырочку? Я подзреваю, что именно этим они и занимаются. Если каждый день сверлить по одной дырке, то сколько дырок получится за двадцать лет?

* * *

Женя появился у меня через два дня с винноватым видом и в рваной куртке.

— Привет!

— Я соскучился! — он поцеловал меня.

— Куда ты пропал?

— Дела были.

Он наклонил голову и шрам на левой брови, тот самый, из детства, после драки с Илюхой, стал отчетливо заметен — тоненькая белая полосочка. Я провела по нему кончиком пальца, пытаюсь разгладить его.

— Это я в детстве упал.

— Подрался.

— Откуда ты знаешь?

— Видела.

Он слегка сощурил глаза и усмехнулся.

Вечером, когда мы ложились спать, я случайно увидела все его синяки со стадиона, на руке был след от пореза, уже запекшийся.

— Господи!

— Да брось ты, это мелочи! Били и сильнее!

Я все еще встревоженно смотрела на него.

— Меня один раз шестеро били ногами.

И ничего же, жив-здоров, а ты переживаешь.

— Как это? Когда?

— Да это давно было. Терпел же, только голу руками закрывал, чтоб не отбили. В жизни иногда надо терпеть. Думал, все, хана. Ан нет, сутки в крови провалялся, и нормально.

Я прислонилась к нему. Он тогда такой худенький был, мальчишка еще совсем. Даже борода еще не росла, так, пух какой-то светлый. Я рисовала что-то у него на коже, она у него была как будто загорелая, как песок на Черном море, а у меня белая-пребелая. Он ставил мою ножку на ладонь и удивлялся, какая она маленькая, почти с его ладонь, или сжимал мою ручку в своей. Я сворачивалась клубочком, а он ложился рядом и грел меня.

— Давай спать! — Женя выключил свет.

Мне всю ночь снились кошмары. Я молчала, хотя и переживала за него. Думала, что это со временем пройдет. Ведь тогда это считалось нормальным. Почти все мальчишки дрались.

* * *

День был прохладным, несмотря на летнее время года. Мы с Женькой шли из «кооператора» (это такой магазин, когда-то он был кооперативным, а теперь в нем продавалась всякая всячина: продукты и галантерея. Название давно сменилось, но местные все равно звали его так по привычке). Женя вытащил мне в автомате две игрушки, ежика и слоненка. И я все думала, отдать ли их Лизе, она собирала сорок игрушек, чтобы поменять на большого мишку, или оставить себе. Женька всегда их легко вытаскивал, везло. У меня скопилось уже целая куча мягких игрушек.

Около детской площадки в соседнем от нас дворе, возле шестого дома, в котором жили Козаковы, мы встретили Филимона с Сёмой, они сидели на каруселях и курили. Здесь были качели-лодочка, к которым, когда мы были маленькими, в качестве наказания ребята привязывали провинившихся и раскачивали их солнышком; а еще много скамеек со столами, на них играли в карты и пили, часто собирались всей кампани-

ей; но больше всего мне нравились лавочки на цепочках, знаете, такие двойные, на них можно качаться. Я вообще любила этот двор, тут всегда было красиво и тихо. Особенно летом: березки изумрудно-зеленые и ветер шелестит в листьях, они подпрыгивают и будто переливаются, как шелковые. А под ногами клевер вперемешку с мягкой травой. Хоть босиком иди. Сейчас всего этого уже нет.

— Здорово! — они пожали друг другу руки.

— Че ты вчера не зашел-то?

— Да вчера прикол такой был! Прикинь, сидим мы с Илюхой около овощного, пиво пьем. (Овощной — это тоже магазин такой. В нем давно не продаются овощи, местные по старинке так называют. В данный момент там построили ночной клуб «Бамбура», но это не имеет отношения к делу. Потому что тогда там был только продуктовый магазин и музыкальная школа.) И тут мужик подходит, спрашивает, ну, типа, можно рядом сесть. Ну, нам че, садись. А он ствол из кармана достает и на Илюху наводит. Я такой думаю, блин, пиво жалко конечно, но че делать-то, бутылку отбил, и ему по чайнику. Короче, пистолет мы забрали. Прикинь, че за х...

— Куда ствол дели?

— Да я его Илюхе отдал. Он просил поиграться.

— Ну, и где он?

— Да, он прое... его уже. Я спрашивал.

— Ищите по-любому! Вечером зайдешь! — Женя хлопнул его по плечу.

Мы двинулись дальше.

— Жень, а что это был за мужик с пистолетом? Ты его знаешь? — осторожно спросила я.

— Не-а. Не бери в голову! — отмахнулся он.

Я задумалась и не заметила, что сзади едет машина прямо на меня.

— Тебе что, жить надоело! — Женя резко дернул меня с дороги, так что мы упали. Причем я — в самую лужу и каблук на босоножках сломала. Он донес меня до дома. Там, как ни странно, никого не было. Я бросилась в ванную — отмываться. Женя пошел на кухню.

Вода — ржавая и чуть теплая, хотя отключить должны только через неделю. У нас так часто бывает, то ржавая весь месяц идет, то зимой горячую отключают. А в третьем классе нас водили на экскурсию по водонапорной станции. Это вроде как местная достопримечательность — первый водопровод в Москве. И мы должны гордиться. Только чем? Станция давно обветшала и развалилась.

— Тань, выходи за меня замуж? — донеслось из кухни.

От неожиданности я поскользнулась и больно шлепнулась об ванну.

— Это понимать как да? — отозвался на звук Женька.

— Нет! — попыталась подняться я.

— Нет? — не унимался он.

— Да, нет, не в смысле нет, а в смысле — не шути так.

— Я серьезно! Подумай! Хорошо?

— Ага! — вылезая и вытираюсь.

Как же он всегда умел выбирать время и место для подобных объяснений.

— Почему ты сейчас об этом спрашиваешь? — подхожу к нему и обнимаю его.

Он домывает посуду и оборачивается.

— Потому что хочу забрать тебя отсюда.

— И где мы будем жить?

— Пока у меня, а там решим.

— Не знаю. Я как-то не думала об этом.

— Тебе холодно? У тебя мурашки.

Пытается меня согреть, прислоняется к моей коже губами и выдувает теплый воздух. Мы идем в ванную, жмемся друг к другу, чтобы согреться, и целуемся, наивно. Я нарочно брызгаю его водой, он смешной, когда мокрый. Мне в тот момент хотелось схватить его крепко-крепко и никогда не отпускать.

Теплым вечером в середине июля ко мне зашла Анька и стала уговаривать меня пойти на дискотеку. Я ждала Женьку, он еще в обед ушел к Киму, и его все не было. Анька хныкала и причитала, что не хочет идти одна. И я в конце концов согласилась. Мы перешли через дорогу, прошли мимо заброшенной стройки и старых деревянных домов. Остановились и замерли. Сложно передать словами, что творилось возле «Индианы Джонс». Было непонятно. Мелькали руки, ноги, бейсбольные биты. Кто-то уже лежал, кто-то еще бил или пытался отбиться. Я выискивала глазами его, но разобрать что-либо было невозможно.

— Пойдем отсюда, скорее! — я прихватила Аньку за рукав.

— Давай посмотрим! — вырвалась она.

— Какое посмотрим! С ума сошла? Пойдем отсюда! — крикнула я.

Недалеко от нас упал парень, все лицо у него было испачкано кровью.

— Интересно! — продолжала упираться Аня.

— Сейчас тебе битой съездят — будет интересно! — я не хотела бросать здесь Аньку.

Из кустов рядом с нами вылезли Тёма (Артем Красильников — смелый, хорохористый парень) с Веталем.

— Тема, ты? — удивились мы в один голос.

— А вы че тут делаете? Мотайте отсюда побыстрому! Ща менты приедут!

Мы побежали по дорожке к дому, Анька все время оглядывалась.

Я прождала его до одиннадцати. Поднималась к нему каждые полчаса, слушала шорохи, выбегала на лестницу. Пыталась заснуть, но не вышло. Без света я боюсь, а со светом не могу. Утром его тоже не было. Искала по всем друзьям — бесполезно. И когда уже шла домой, увидела вдалеке знакомые черты. Я бежала быстро, а подошла тихо, уткнулась в его куртку.

Он сказал:

— Прости меня!

Я не знала, что ему ответить. Радость оттого, что он пришел, заглушила обиду.

Мы легли спать и проспали до глубокой ночи. Мне казалось, что всё прошло и главное, что теперь всё хорошо. Как говорит моя мама: «Всё хорошо, что хорошо кончается».

Временами я находила в его карманах: ножи, кастеты, шило (пожалуй, самое надежное оружие, если подойти к человеку сзади, например к танцующему на дискотеке, и резко воткнуть в него шило, он ничего не почувствует, кроме легкого укола, и продолжит танцевать, умрет от кровоизлияния), заточки из фильтра сигарет (они острее лезвия, разрезают даже шелковые шарфы, их обычно используют карманники). Думала, что все это ерунда. Мальчишки любят собирать всякую всячину. Настоящее оружие появилось позже, вернее, сначала у него появилась бейсбольная бита.

Я многого не знала. Не задавалась вопросом, откуда он берет деньги, на которые мы живем. Если бы я тогда об этом знала. Ведь началось все с обычного гоп-стопа (ограбления). Мы зависали целых четыре дня у Сёмы, а потом у них, видимо, кончились деньги, а душа требовала продолжения банкета. Они пошли к магазинчику возле моего дома, через дорогу, смотрели, кто что покупает. Мужчина в шляпе и пальто набрал больше всего еды и выпивки. Они, их было четверо: Сёма, Илюха, Ким и Женька, в кустах около дома дали ему по голове. Взяли только еду и выпивку, даже карманы не проверили. Мне это потом рассказывали. Говорили, что самое смешное было, когда Сёма вышел из этих кустов в шляпе и с пакетами. А потом завертелось, они почувствовали вкус легких денег. Как ни пытаюсь, язык не поворачивается назвать их бандитами, а это так и было. Я тогда про бандитов знала мало и представляла их иначе. Как-то к нам домой ворвался мужчина. Он задыхался, словно обежал бегом вокруг земли, видимо, стоять он уже не мог, поэтому полз. Сняв здоровенный золотой перстень с пальца, он умолял не выдавать его. Сказал, что за ним гонятся. Обе-

щал нам море денег, если мы его спрячем. Испугавшись за нас с бабушкой, брат отказался и выпихнул его за дверь. Мужчина заплакал, на вид ему было лет тридцать, а может, так казалось из-за его чрезмерно упитанной фигуры. На нем была кожаная куртка и небывалой толщины золотая цепь.

А еще моя мама одно время работала у бандитов бухгалтером в их фирме, о них я знаю еще меньше. Видела их пару раз, мне тогда было года четыре, поэтому, что я могу помнить. Пряталась за занавеской, когда здоровые, еле проходившие в дверь мужчины приезжали к нам домой. Вот и всё.

А Женя и его друзья для меня были обычными ребятами, мы же росли в одном дворе.

* * *

Колю из военкомата повезли в город Железнодорожный, там их распределяли по частям. В учебке все как положено — дедовщина, вместо еды плесневелая капуста с червями и тараканами, из душа тонкая струйка ледяной воды, ночной дозор с тридцатикилограммовым обмундированием, половина роты наркоманы. На «губе» по колено воды и нет даже нар. Так и простоял один раз трое суток. Ему отбили почки и сломали челюсть. Почки за то, что плохо изображал спутник. Это у сержантов такая забава, разбудить посреди ночи и заставить что-нибудь изображать для развлечения. Челюсть за то, что вовремя не подшил воротник. Об этом он мне не писал и никогда не говорил, я знаю это от его друзей по учебке. Письмо от него пришло где-то через три недели после отъезда.

«Здравствуй, Танюша! Женьке тоже большой привет!

У меня все хорошо! Скучаю только сильно. Но с другой стороны, здесь тоже весело. Дедовщины у нас нет, зато есть уставщина, даже не знаю, что хуже. Хотя поначалу всем тяжело. Писать мне, кроме вас, больше никому, адреса ребят я не записал, так что напишите, если можете, черкну и им что-нибудь.

Сейчас пишу впопыхах, чтобы все успеть написать. Первое время, до присяги, писать вряд ли смогу. Мысли в кучу и все перемешалось, так что простите за бедлам.

Кстати, вы бы знали, какие у нас выходные, просто супер, в будни меньше устаешь, чем в субботу или воскресенье. Все выходные подметаем плац. Остальное терпимо. Самое противное — это искать сигареты на подпись, если „дед“ курит, на сигарете пишется, сколько до

приказа об увольнении в запас. Женя, я думаю, ты более-менее в курсе, но для Танюшки поясню, если ей интересно: запах — солдат до присяги; дух — после (первые 6—8 месяцев); слон — после прихода первого карантина (полгода); дед (черпак) — после прихода второго карантина (то есть год, 2-й карантин для дедов является „духами“, „черпаком“ считаются деды до начала стодневки, когда молодых переводят в роту); дембеля — те, кто отслужил полтора года и больше (им уже все по барабану). Теперь вы знаете всю армейскую иерархию. В караул мы будем ходить только через месяц-полтора, когда выучим все уставы, а их немало.

Да, после того, как попросились, на душе стало пусто и это очень давило, с этим чувством хожу до сих пор. Но с каждым днем оно стихает, и служить становится легче. Главная проблема — это найти себе занятие. Я взял у одного парня устав и переписал. Пытаюсь выучить, так как потом времени не будет, а знать надо. Правда, учиться с трудом, потому что все идет сплошным текстом и вдобавок слишком закручено, могли написать и попроще, ну и, конечно, извечная моя проблема — лень. Иногда получается с ней справиться; помогает то, что за незнание устава меня будут потом гонять так, что мало не покажется. С ностальгией справиться, как оказалось, гораздо сложнее, чем с ленью.

Не знаю, что еще написать, все просто не влезет, а половину все равно забуду.

Напишите, как там у вас дела. Адрес на конверте. Всем большущий привет! Всех помню!

Ваш друг Коля, Я».

В конце нарисовал розу, с лепестками и стеблем — красиво.

Больше он не писал.

— Почему Коля не пишет? — спросила я как-то у Женьки.

— Ну... Тут только два варианта возможно: либо ему там очень плохо, либо хорошо. Наиболее вероятно — первое.

Я помаялась с неделю, а потом это как-то отошло на второй план. К тому моменту они (Женя и его друзья) уже держали здесь всё (палатки, магазины, рынки, автосервисы, дискотеки, кафе — всё). Когда я вспоминаю это теперь, то многое начинаю понимать, сопоставлять какие-то факты. Почему тогда я не замечала таких очевидных вещей? На восемнадцатилетие Жене подарили новенькую черную BMW, мои капризы и желания выполнялись по мановению волшебной палочки, мы ездили по кафе и дискотекам, и я ни разу не видела, чтобы он платил по

счету, для нас все было бесплатно. Но и этого для них уже было мало, решили перебраться в Москву. Нашли небольшой автосалон. Устроили туда Братухина Лешку охранником, чтобы разведать обстановку. Салон этот держали какие-то «чурки», во всяком случае, мне рассказывали именно так.

Они стали владельцами этого салона, торговали машинами и воровали по-страшному, ведь именно таким способом у Жени появилась BMW и прочее, до этого у них была белая «девятка» с трехсотым номером. Парня, который ее водил, так и звали — Трёхсотка. Его настоящее имя мне не известно до сих пор.

Где-то через месяц пришли московские ребята. Сначала пропал Братан, просто ушел на работу и не вернулся. После его двухдневного отсутствия туда поехали Немец, Леший и Кузя. Их привязали за руки под потолок и били. Так они провисели три дня. Затем забеспокоились уже родители, написали заявления в милицию. Да и мы тоже с ума сходили. Я тогда не понимала, что происходит.

Женя засыпал меня розами, каждый день дарил по огромному букету, у меня вся комната была в розах — ставить было некуда и не во что. Целыми днями он где-то пропадал и ничего мне не говорил. Кроме как: «Ну ты же знаешь, у меня дела». Какие дела? Я не знала. Но и подумать, что было на самом деле, не могла. Я ему верила.

Вскоре их отпустили, но в милиции уже завели дело. Московские ребята взяли девчонок из этого автосалона и, как они говорят, «попрессовали» их немножко — повесили изнасилования на наших.

Это я знаю сейчас, а тогда я даже не знала, что и думать. Лиза постоянно твердила, что я встречаюсь с бандитом и убийцей, что пора уже открыть глаза. Я старалась ее не слушать, закрывала уши, уходила от нее. Я уже и сама не соображала ничего. Но от ее нотаций становилось только хуже. Один раз я разозлилась — накричала на нее, наговорила ей кучу всяких гадостей, обвинила ее в том, что она завидует и специально все это говорит.

Она ведь умудрилась влюбиться в Ильинского. А он к тому времени женился на Маринке, так как она забеременела. Он не хотел — родители заставили. По-моему, стало только хуже. Им сделали квартиру, но дома он почти не появлялся. Гулял направо и налево. Марина сидела дома и плакала. Сложно было найти девушку, не побывавшую в его постели. Девочки с Ярославки знали его в лицо. Он клеился ко всем, в том числе и ко мне. Я молчала, а тут по глупости ляпнула.

Лиза обиделась и ушла. А я осталась сидеть на скамейке с заплаканными глазами.

Пыталась поговорить с Женей, но он либо переводил тему, либо упрекал меня в недоверии, либо и вовсе начинал меня целовать и обнимать...

Я отгоняла от себя эти мысли и продолжала закрывать глаза. Дня через два он пришел радостный и сказал, что теперь у нас все будет хорошо. Они договорились с московскими, а наших отправили на Украину где-то на полгода. Постепенно всё как-то утихло. Я помирилась с Лизой, пыталась учиться. Определилась с будущей профессией (дизайнер-модельер) и готовилась поступать. Отец договорился со своим другом, художником, чтобы он со мной позанимался.

Каждое воскресенье я ездила рисовать. Приходила ранним утром, когда все, кроме моего учителя, спали. Сначала было тяжело, многое не получалось, занятия казались ужасной пыткой. Нужно было искать какие-то точки пересечения, оси, углы наклона. Мне многое давалось не сразу: я долго мучилась над эллипсами — они решительно не выходили; не понимала, как в обыденном предмете можно видеть нечто необыкновенное.

Но потом как-то постепенно начала понимать, вглядываться в предметы и замечать их скрытые свойства. Тарелки были уже не просто тарелками, я смотрела на них как бы сквозь, каждая линия была загадочной. Я стала видеть этот мир по-другому.

Живопись — самое настоящее волшебство. Из бликов и цвета получается нечто живое и настоящее, частичка этого мира. И не важно, что это — яблоко или тарелка. Оно уже живет своей жизнью, дышит. Мне нравилось рисовать. Я радовалась, что у меня получается.

Женя по-прежнему встречал меня. Весной мы бегали по кинотеатрам и Макдоналдсам. Он ждал меня на морозе четыре часа, шутил постоянно. Ему нравилось меня удивлять. Но вероятнее всего, он просто выпендривался, как все мальчишки. Хотел показать, какой он взрослый, самостоятельный, необыкновенный и смелый. И когда открывал мне дверь голышом. И когда уселся в переходе играть на гитаре. Заработал рублей сто. Я краснела, бледнела и, озираясь по сторонам, пыталась его поднять. Сейчас и вспоминать-то смешно. Странно, но тогда, без денег, было свободнее и легче.

А осенью он уже приезжал за мной на BMW, возил по дорогим ресторанам и магазинам. Только общались мы гораздо реже.

На мой день рождения он преподнес мне самый необычный подарок. Уже выпал первый

снег, я проснулась и смотрела на снежинки, они крутились, прилипали к стеклу и исчезали. Дышала на стекло и писала: «Женя, Женя, Женечка...»

Он позвонил в дверь, хотя у него были ключи. Я даже подумала, что это не он. А открыв, растерялась. Женя стоял на пороге, улыбался и что-то прятал за спиной.

— С днем рождения тебя, моя маленькая!

Вошел и протянул мне букет одуванчиков. Это мои самые любимые цветы. Может, кому-то это покажется смешным, а мне они дороже всяких роз и эдельвейсов. Потому что они живые, настоящие, искренние, словно маленькие огоньки или искорки. Посмотришь на них, и сразу тепло становится. Для меня до сих пор загадка: где он их взял в декабре?

Я даже запрыгала от радости, я всегда подпрыгиваю, когда радуюсь. Такого мне никто не дарил, это самый незабываемый подарок.

А он поцеловал тихонько в губы и прошептал на ушко:

— Давай поженимся?

И положил мне на ладонь бархатную коробочку с колечком. Я посмотрела ему в глаза. И он понял, что это безоговорочное да. Иногда взглядом можно сказать все без слов.

Он лепил мне снеговиков; писал записки; сочинял песни и играл их на гитаре; кормил вареньем, когда я болела.

Нет. Ничего, конечно, не изменилось. Он по-прежнему исчезал, а я старалась не спрашивать и не думать.

* * *

В Техасе какой-то особенный, свой менталитет, отличный от других. Здесь все друга за друга горой и жизнь за друга отдадут без сожаления. Здесь все как на ладони, пять минут от дома до дома, все друг друга знают. И никогда никто не предаст, друзья помогут, что бы ни случилось, придут и сделают все возможное и невозможное. Конечно, все это распространялось только на своих. Чужих сюда не принимали, к ним относились чрезмерно настороженно, иногда даже жестоко. Их не жалели. Долго они не задерживались.

Если кто-то из наших ребят что-либо пообещал, он это сделает. Раз обещал — значит, сделает. Даже если сильно пьян.

У них включается «автопилот», и из любого места они находят дорогу домой. При этом делают все, что запланировали или пообещали. И только после всего этого спокойно ложатся спать.

Может, из-за того, что им приходилось каждый день отзваниваться. С утра они объезжали все объекты, а вечером докладывали. Сначала Женя докладывал, потом докладывали ему, а он кому-то выше. А когда этот кто-то был застрелен на площади напротив кинотеатра «Родина» (был такой на новых Мытищах), чеку вытащить не успел, так и лежал с гранатой в руке, Женя стал на его место.

Техас всегда считался самым сильным после Солнцева и Люберец. И когда на вопрос: «Откуда вы?» — мы говорили, что из Техаса, на нас смотрели со страхом и уважением.

* * *

Новый год пролетел в сплошном угаре. Пили бесчисленно много. Как вообще возможно было столько пить? Видимо, организм был молодой и крепкий. Почти все курили траву: план, коноплю (многие сами дома под лампой выращивали), гашиш, еще сушеную кожуру от бананов (не саму кожуру, конечно, а тонкую прослойку между кожурой и бананом). Если в обычный йогурт добавить миндаль (имеется в виду приправа в пакетиках), то получится нечто вроде наркотика — Сёма любил такие штуки делать.

Поторговав месяц этим всем, можно было заработать на машину и на квартиру. Коробок плана стоил рублей сто. А Сёма приносил где-то по стакану, так что после фасовки у него еще один лишний коробок оставался. Он отдавал его ребятам или брал себе.

Героин тогда не был так популярен. Стоил дорого, сто — двести баксов за дозу (минимальная доза — одна десятая грамма), теперь — тысячу рублей.

Весь шестой дом на него подсел, началось все с травы, дальше — больше.

Их пытались лечить. Отправляли аж за Урал. Но все бесполезно. Они возвращались, собирались вместе, и все начиналось заново.

Леший вернулся из Украины и спутался с какой-то сутенёршей. Родители, естественно, были против. Он ушел к ней, спал там с пятью девчонками. Там же его и посадили на иглу. Долго слезал, а вскоре взялся за старое.

Марина родила дочку. Илюха даже не пришел на нее посмотреть. Появился только через два дня со стеклянными глазами. Единственный способ хоть как-то справиться с ломкой — пить водку. Ребята отпаивали его где-то неделю. Просто вливали в него водку литрами или оставляли ему ящик и уходили. Но на ноги поставили.

Сашке Козакову повезло гораздо меньше. Он умер от передозировки во сне, заснул и не про-

снулся. Шприц вытащить не успел, так и лежал. На похоронах было очень много народу. Сережка стоял, опустив голову, словно это он сам умер, а не брат. Каково это — смотреть на свою копию в гробу. Он поддерживал под руку мать, измученную, худую женщину. Она выглядела, как старуха, хотя ей не было и сорока. Мне стало плохо еще в церкви. Женя отвез меня домой.

У меня все не укладывалось в голове, как же это может быть. Я же видела его вчера. Они с Кимом пили пиво около подъезда. Это же Сашка, улыбочивый темноволосый парень с ямочкой на подбородке. Который играл с нами в прятки и в казаки, катал нас на велосипеде, а весной дарил цветы. Они их рвали возле пятиэтажек, бабки ругались ужасно, а догнать не могли. Каждый дарил своей девушке, и только Сашка дарил всем.

Женя принес мне валерьянку, а себе налил водки. Я плакала. Он гладил меня по голове, пытаюсь успокоить. Думал, я так не замечу, что у него самого слезы на глазах.

* * *

В дверь позвонили. Я сразу поняла, что это кто-то чужой. Свои звонят один раз, тихонько, или так заходят, дверь почти всегда открыта. А этот резко нажал на звонок три раза, от неожиданности я вздрогнула.

На пороге стоял молодой парень, одетый в камуфляжную одежду. Он смотрел исподлобья, и оттого казалось, что он хмурится. Тонкие губы были плотно сжаты, как будто его что-то сильно раздосадовало или обидело. Быстро оглядев меня острым, разрезающим насквозь взглядом, спросил:

— Ты — Таня?

— Да! — опешила я.

Из кухни вышел Женя.

— Разговор есть! — быстро сказал парень и, не разуваясь, прошел на кухню.

Женя сказал, что это к нему, и пошел вслед за ним.

Домой мне идти не хотелось. Мы с Лизой побродили по Техасу, замерзли и вернулись в мой подъезд. Сидели на ступеньках и, сколько бы ни старались не говорить про Сашку, у нас не получалось. В подъезде было темно и безумно тихо.

Тишину нарушили чьи-то резкие громкие шаги.

Это тот незнакомый парень спускался по лестнице, а увидев нас, остановился.

Замер, что-то напряженно обдумывая. Потом достал из кармана какие-то бумажные обрывки и высыпал их мне в руки.

— Это тебе от Коли. — И добавил виновато: — Порвалось немножко.

Я спохватилась.

— Так ты от Коли? Как он там? — крикнула я вдогонку.

Но парня уже не было.

Лиза достала из кармана зажигалку (она в это время как раз начала покуривать. Я этого не одобряла, но она меня не слушала. Обижалась, когда я заводила эту тему. И со временем я перестала, решила ее не трогать), и мы в темноте подъезда принялись складывать кусочки опаленной бумаги. Надо сказать, у Коли всегда был непонятный почерк, а в том письме и вовсе буквы длинными загогулинами плыли в разные стороны, да и значительных частей похоже не хватало. Переместившись ко мне в квартиру и разложив письмо под лампой, нам удалось разобрать только вот что:

«Привет тебе из ада...! Я в Чечне. Пока жив... думаю... ненадолго.»

Все... перевернулось кверху дном... Если кто тебе скажет, что война кончилась... дай ему в морду... Это бред...

Вчера на зачистке... тридцать наших. Все со мной в учебке были, никого не осталось. Витьке Тюхину раздробило голову... Сереге Аверченко оторвало руки и ноги... Чичи режут головы нашим пацанам и кидают их нам потом. Даже трупы режут на части... Среди них Сашка Кисейников. ...был парень, добрый. Английский знал, рисовал здорово... Наколол мне скорпиона (имеется в виду наколка в виде ползущего вверх скорпиона — означает, что участвовал в боевых действиях и был в горячей точке; ползущий вниз — был, но не участвовал; такое кололи почти всем)... Жаль, что ты его не знала.

У нас хоть учебка была, а сейчас к нам шлют призывников, перепуганное до смерти мясо для чичей, сто процентный груз двести. Мы тоже таким мясом были, но мы хоть автомат в руках держать умели. Дурачьё, конечно, в учебке прикалывались постоянно, часового как-то стремились. Парень, что до него шел, в кусты залег. А второй идет, смотрит — из кустов автомат торчит. Со страху едва не уложил его. Было бы два трупа. Когда на тебя ствол наводят — это не хрена не смешно.

...плохо соображаю, вернее, не соображаю уже ни черта. Здесь почему-то особенно хочется жить... А иногда наоборот думаю, скорей бы. Когда... как взрываются... кровавым фейерверком. Внутри... разбивается на части, или рвется что ли, кажется, что от... что-то оторвали. И умом понимаю... не смотреть, а стою как вкопанный и смотрю. ...слезы текут... беззвучно и

вою как-то по-собачьи. Сам удивляюсь, как остался жив...

...смутные... Отчетливо только огонь минометов, очередь и разрыв. ...когда быстро не успеваешь испугаться. ...понимаешь, что все еще жив, появляется... обреченность. ...начинаешь стрелять, как ненормальный, что есть мочи до самого конца... Бежишь... убиваешь... опять бежишь. Под ногами не земля, а кровавое месиво и трупы ребят, раздробленные укатанными танками...

Пишу тебе, потому что... от этого легче. ...и если меня зароят в братскую могилу или и вовсе... Ты, наверно, и сама догадалась, но я на всякий случай скажу... Я сохранил твою фотку, она хоть обгорела немного, но в общем цела. Прячу ее в надежном месте.

Знаю, что зря пишу... Дурак... прости... Надеюсь, что ты никогда не прочтешь это письмо. А еще больше надеюсь, что прочтешь. Соскучился жутко... Как там дома? Как там наши? Как Женька? Что вообще в мире делается? Я все время... это единственное, что здесь спасает. ...О тебе, о наших. О... беззаботном...

У... ..есть матери и любимые, у меня ты. ... хватаюсь за это, как за последнюю гранату. Разговариваю с тобой, чтобы совсем не свихнуться.

...верю, что ты меня слышишь. Или у меня все-таки съехала крыша?..»

Лиза встревоженно посмотрела на меня, так, как будто это я виновата во всем. У меня слезы навернулись на глаза и больно сдавило где-то внутри.

Входная дверь в квартиру открылась.

— Тааань! — позвал кто-то.

Мы сгребли куски письма под диван. В комнате появился пьяный Женя.

— О, а чей-то вы на полу? С настольной лампой?

— Кольцо искали, я потеряла. Нашли уже. — Затараторила Лиза, вертя в руке кольцо.

Он встал в дверях, скрестив руки на груди, и грустно улыбнулся. В черной майке и джинсах Женя казался еще выше и худее. Мне нравилось прижиматься к его груди и животу. У него тогда был пресс с кубиками. В доме, в котором жил Ким (это рядом с моей школой и одновременно напротив детского сада, я же говорила, что тут все близко), в подвале сделали качалку. Они ходили туда заниматься. Когда девчонки восхищенно говорили: «О, ты качаешься!» — он всегда шутил в ответ: «Ага, на качелях».

В тот момент мне показалось, что он такой родной, такой хороший, мой и больше ничей. И я кинулась его обнимать, а он меня целовать.

— Пойдем спать! — вспомнив про Лизу, сказала я.

С утра спросила его про парня, что вчера приходил. Он не сказал мне правду, не хотел расстраивать. Мы же Сашку только вчера похоронили.

Я тоже промолчала про Колю. До сих пор не знаю, почему он попал туда, может, из-за того, что сирота, а может, сам вызвался. Я все время думала, как он там. По телевизору говорили, что боевые действия прекращены. А у меня всего-то и было, что обрывки от его письма. Я складывала его снова и снова, пытаюсь разобрать еще хоть что-нибудь или додумать. И каждый раз, когда в телевизоре показывали репортаж из Чечни, прилипала к экрану, надеясь увидеть Колю. Женя это заметил.

— А если Коля попал в Чечню? — вдруг выпалила я.

Он не ответил и вышел из комнаты.

Так вот мы и молчали. Институт он забросил. Деньги у нас были, я уже не спрашивала, откуда. Мы стали готовиться к свадьбе.

* * *

Если вы меня спросите, а где же была все это время моя мама, мне сложно будет ответить на этот вопрос. Как будто у меня из памяти это стерли. Я видела ее не так часто. Пить она стала меньше и вроде начала готовить. Съездила с дядей Сашей (это мой отчим) на юг. Они частенько пропадали на даче. И вообще, из этого периода я помню разве что многочисленные ссоры. Она ненавидела Женю. Как только его не называла. А отчим все твердил, что Женя на меня плохо влияет, что я стала агрессивной, постоянно огрызаюсь и уверена в собственной безнаказанности.

Отец и вовсе был не в курсе. И по своему обыкновению каждый раз читал мне нравоучения. Это делать надо, этого не надо. Вдалбливал мне знания по математике и прочее. Если я это делала — он покупал мне, что я хотела, или давал денег. Каждый раз после такого общения я ревела. Это было хуже пытки. И потому, когда у нас с Женей появились деньги, я просто перестала к нему ездить.

Одним словом, я решила не оповещать их об этом, а поставить перед фактом уже потом. А то бы началось такое, подумать страшно.

Женины родители тоже меня недолюбливали да и всерьез не воспринимали. Когда Женя им сообщил о нашей свадьбе, они были где-то за границей. Не помню, где. Кажется, у Люды было плохо с сердцем, поэтому ее увезли лечиться.

Они, конечно, поругали его, повозмутились. Однако посчитали лишним возвращаться из-за того, что Жене просто вздумалось жениться. Не могу сказать, что нас это особенно огорчило.

Все было почти чудесно, пока я случайно не услышала один разговор. Мы с Лизой стояли у стекляшки (это магазин в доме), с другой стороны курили Филимон с Сёмой. Они нас не заметили.

— Че с Веталем-то? — позевывая, спросил Сема.

— Че-че, ниче, кони двинул! Не, ну, он оборзел совсем! Бабла назадолжал! Пацаны ему и вломили. На Волковское (кладбище возле Мытищ) отвезли, заставили рыть могилу. Он, короче: «Вы че, пацаны, я вам все отдам». Ну, они, типа, ладно, живи пока. Отмутузили его и бросили. А он прикинь, короче, обдолбанный такой весь, покоцанный пошел в ментуру заяву на наших накатал. Мы такое ха-ха ловили, конкретное просто. Ну, менты тоже постебались малец над ним и отослали его. Короче, довыеживался. Пацаны его и зарыли живьем.

Сёма засмеялся.

— Да ладно?! Во, блин, вы там коры мочите! Знал бы — с вами поехал!

Они докурили, и нам пришлось уйти, иначе бы нас заметили. Веталь торговал наркотой и сам подсел на нее, поэтому и был много должен. Он пропал дня три назад. Тимофеева его уже обыскалась, они же встречались.

У меня на душе творилось что-то невообразимое, мне все представлялся Веталь в могиле, как его засыпают землей живого. И крутилась какая-то глупая мысль: вдруг он там еще живой.

— Почему, скажи мне почему? Зачем тебе это всё? — закричала я с порога.

— Что всё? — удивился Женька, вскочивший с дивана от моего резкого вторжения.

— Хватит, надоело! Сколько можно! Я не могу больше!

— Сядь, успокойся! — он силой усадил меня на диван.

— Так нельзя! Что же ты делаешь?!

Я дрожала.

— Да, а ты, может, знаешь, как по-другому?

— Но ведь тебя тоже убьют!

— Зато сразу пулю в голову и все! Хотя, может, и помучают, конечно, но не долго. Я не боюсь смерти! Мы все когда-нибудь умрем!

— Что ты такое говоришь? Что?

— А что? Лучше горбатиться на ММЗ или на РКК за копейки, да? Как все!

— Женья!

— Что Женья? Восемнадцать лет уже Женья! Пусть недолго, зато по-человечески. Нормально. Я хочу, чтобы мы с тобой пожили хорошо.

— А дальше что?

— Да мне по фигу, насрать на все!

— И на меня тоже? На меня тебе тоже наплевать?

У меня началась истерика.

— Да нет! Нет, конечно! — опомнился он и стал прижимать меня к себе.

Я еще громче зарыдала.

— Все-все, успокойся. Прости меня, глупостей наговорил, успокойся.

Неделю мы почти не разговаривали. Сначала я твердо решила, что уйду от него. Но вскоре поняла, что не смогу. Он просил прощения. Нежно брал за руку, клал голову мне на колени. Смотрел виновато, как котенок, пытаюсь разжалобить.

Мы помирились. Он со мной превращался в ребенка. С ребятами Женья был совсем не такой. Всё началось сначала.

* * *

Это было Прощеное воскресенье. Последний день Масленицы (проводы, прощание, прощенный день). На улице мерзко, как бывает в начале марта. Полурастаявший снег, в воздухе пахло весной, ветер обвивал в кокон, залезал под одежду, руки зябли. Мы вышли из подъезда. Женья о чем-то спорил с каким-то мужчиной. Не знаю, кто это был. Когда я пришла (мы собирались с Женькой в Москву), они уже разговаривали. Я подумала, что мы никуда не поедем, но Женька сказал, что все решено. Было заметно, что разговор его разозлил, он нервничал. Около подъезда они остановились. Женья оглянулся на меня, заметил, как я кукожусь от холода:

— Иди, садись, сейчас поедем!

Он достал из кармана брелок, нажал на нем маленькую кнопочку, и черная BMW пронзительно взвизгнула. Я шла по мокрому асфальту в новых голубых джинсах. Внезапно что-то громко и быстро хлопнуло, будто резкий удар хлыста на арене цирка. Женья что-то крикнул мне. Я не смогла разобрать что, не успела обернуться. Он отчаянно дернулся ко мне. Слишком быстро...

Слишком быстро все произошло. Даже не поняла, как Женья мгновенно прижал меня к земле, я выставила вперед ладони и ободрала колено. От боли резко хлынули слезы. Меня, наверное, больше всего испугал не сам выстрел, а Женья, внезапно упавший.

Он подхватил меня на руки, понес к машине, ободранными руками я закрывала кровоточащее колено. Женья посадил меня на сиденье.

— Где больно? Где? — никак не понимал он.

А я силилась сказать и не могла. Как будто голос пропал, язык не слушался. Вместо этого выходили сдавленные всхлипы.

Женя испугался. Гораздо сильнее от неизвестности. Он не знал, что делать.

— Джинсы! Женя, джинсы! — заплакала я, открывая разбитое колено.

— Что джинсы?

— Новые! — продолжала всхлипывать я.

— Я тебе тысячу таких куплю! Не плачь!

Мне обработали рану — ничего серьезного. Так, небольшой рубец остался на память об этом дне.

А потом я спала. Долго. Мне казалось, что бесконечно долго. И снился мне один и тот же длинный сон. Будто я иду по высоким сугробам, а вокруг поле бескрайнее. Ноги увязают в снегу, проваливаюсь по колено. Встаю и снова иду и снова падаю и все никак не дойду.

Он приходил, подолгу сидел со мной рядом. Если бы кто-нибудь спросил, сколько времени я так провалялась или что делал или говорил Женя в этот момент, я бы не ответила. Не помню совсем. Мои воспоминания об этом что разрезанная магнитофонная пленка.

Он, конечно, просил прощения. Говорил, что это вышло случайно и его не касалось никоим образом. Стреляли в того мужчину, что был с ним.

— Ну сама подумай, если бы в меня, то сто процентов бы насмерть. Заказ есть заказ. Это только в американских боевиках живут с десятью дырками в голове и ничего. Ну поверь ты мне!

Я не отвечала, устало смотрела на него.

— Тебя посадят! — угрюмо заметила я.

— Не посадят!

Он монотонно пережевывал спичку во рту.

— Почему ты так уверен?

— Потому что менты тоже жить хотят, им тоже деньги нужны. Жаль, конечно, на зоне лучше, чем тут. Целый дом со всеми удобствами, бутерброды с черной икрой, шампунь (он так шампанское называл), культурная программа, каждую неделю автобус с девочками — на выбор любую. Там сделают и привезут все, что угодно, были бы деньги. И вправду, сесть, что ли?

— Идиот!

— Ладно, не буду. Скучно там!

Я ушла от него. Решила, что навсегда. Он запил. Пропадал где-то ночами. Я держалась лишь внешне. Каждую ночь сидела у окна, ждала, когда он приедет. Я безошибочно могла узнать его машину по цвету фар, по звуку колес, по писку сигнализации. И тогда я выключала свет, чтобы он, не дай бог, меня не заметил, и закрывалась в свое детское одеяло.

Он пытался со мной помириться, я сопротивлялась из последних сил. Когда он понял, что все бесполезно, то совсем распустился. Загулял. Приводил домой черт-те кого. Как-то я зашла к нему за тетрадкой, дверь была открыта, куча знакомых и незнакомых мне людей (все постоянно тусовались у него дома), музыка на полную катушку, ящики со спиртным возле двери, закуска на кухне. Основное веселье у них начиналось как раз вечером, собирались ребята привозили выпивку, девочек, травку. Квартира превратилась в притон, мусор никто не выносил, убираться естественно никто даже не пытался. Соседи тихо их ненавидели, но сделать ничего не могли.

Женя лежал на диване и судя по его реакции на мой приход (он принял меня за галлюцинацию) уже порядком накурился всякой дряни. Пьяная девица в блестящей красной юбке и лифчике попыталась вскарабкаться на него, но он ее скинул. Она повторила попытку, он ответил уже более грубо:

— Че, не поняла? Пошла отсюда!

Девушка выругалась и ушла.

Он сплюнул:

— Только и могут что ноги раздвигать!

Закурил сигарету и уставился на меня, как бы соображая, глюк я или нет.

Я взяла тетрадку, вышла на лестничную площадку и еле слышно заплакала. Вечером следующего дня мы сидели с Кузей и грызли семечки. Женя подъехал прямо к самому подъезду, почему-то не вышел из машины и не выключил фары. Кузя открыл дверь. Женя вывалился на асфальт. Было невероятно, как он доехал такой пьяный. Пару раз его вырвало, пока мы донесли его до квартиры.

На следующий вечер опять пьяный он пришел ко мне, встал на колени. Просил вернуться; говорил, что я единственное, что у него есть; плакал.

Дошло до того, что он пьяный спокойно ходил по улице со спортивной сумкой, из которой торчал автомат Калашникова, или вовсе без сумки, прямо так.

Сёма рассказывал, что он даже пытался сброситься с китайки. Его спас какой-то мужик, которого он потом за это избил.

После этого он пропал на целую неделю. Я волновалась. Никто ничего не говорил. Не выдержала, поднялась к Кузе на девятый. Дверь была открыта. Кузя разговаривал по телефону, стоял спиной ко мне. Подслушивать я не собиралась, просто отвлекать не хотела.

— Мы в ЦРБ, в экстренной хирургии лежим. Мне операцию только что сделали. Слышь, принеси че-нить пожрать, жутко хочется. Ты это,

токо матери не говори! — донесся из трубки голос Филя.

— С Женяем че?

— Да полная ж... У него животяра прострелен. Операцию сделали, он в реанимации щас. Херово, в общем. Короче, давай быстрее, а то я тут сдохну с голоду.

Я не выдержала и выхватила трубку, но Филя ее уже положил. Кузя виновато посмотрел на меня и опустил глаза.

— Где они?

— В экстренной хирургии, на четвертом. Филя в третьей палате, Женя в реанимации.

— Я пойду туда!

— Надо еды собрать!

— Я сама отнесу!

— Я с тобой.

* * *

Что произошло на самом деле, я узнала только теперь. Они избили в магазине парня, деньги забрали, документы — пьяные были. Оказалось, что этот парень из московской братвы.

Они тогда торговали квартирами. Выселяли алкашей, делали шикарный ремонт и продавали за бешеные бабки. В одной из таких квартир они и были в тот вечер втроем (Женя, Филя и Немец). Как их нашли — до сих пор непонятно. Немца сразу насмерть. Женю с Филей не стали добивать.

Отделение экстренной хирургии находится в главном корпусе. До это я ходила в ЦРБ только анализы сдавать по направлению из детской поликлиники. По области все до восемнадцати лет в детской. Детская поликлиника тихая маленькая. Возможно, поэтому она не кажется страшной, а ЦРБ — большая, со множеством коридоров и этажей.

Филя сидел в коридоре у окна и курил, рядом стояли костыли. Кузя пошел узнавать про Женю. Я протянула ему пакет с едой.

— Спасибо! — обрадовался он и тут же начал разворачивать.

— Что случилось?

— Да фигня, сквозное в ногу. Артерию задела, но до кости не дошла. До свадьбы заживет. Тут, кстати, такие медсестры — супер просто. Решил, как поправлюсь, точно женюсь. Мне вставать по идее нельзя, а я вот договорился, прискакал, — он указал на костыли.

— Я про Женю спрашиваю!

— А! — огорчился Филя. — Ну, его вчера прооперировали. Щас в коме, УЗИ ему сделали, анализы взяли.

Пришел Кузя.

— Узнал что-нибудь?

— Ничего нового. В коме. Ему сделали лапароскопию. Надо ждать результаты анализов.

— Я пойду к нему.

— К нему не пускают. Он в реанимации. Пошли домой, завтра придем.

— Нет. Я останусь.

— Тут все равно делать больше нечего.

— Я не уйду! — уперлась я.

— Ну, сиди тогда. Я пошел.

— Э, стоп! Меня до палаты донеси! — встретился Филя.

Не помню уже, что я говорила, как упростила, чтобы мне разрешили остаться. Сидела в полутемном коридоре. Плакала, молилась, как умела. Обещала все что угодно, лишь бы жив. Все бы отдала. Мне казалось, что земля уходит из-под ног. Наверно, только теряя кого-то, начинаешь понимать, насколько дорог этот человек. Забываешь все обиды. Всю ночь я вслушивалась, пытаюсь услышать хотя бы звук, хоть что-нибудь. А передо мной была только белая ободранная дверь, за которой без сознания лежал он.

Утром пришел Кузя.

— Что, все сидишь?

Я кивнула затекшей головой.

— Марш домой! Вся зеленая уже! Сама так заболешь!

— Нет, я не уйду!

Кузя почти силой оттащил меня домой, заставил что-то поесть. Желудок требовал еды, а есть совсем не хотелось.

Женя очнулся вечером. Через час его уже перевели в палату. В палате, кроме него, лежало еще человек пять. Он был такой бледный, говорил с трудом. Я сидела, пока он не заснул.

Каждый день приходила к нему после школы. Через две недели ему сняли швы. Остался шрам полукругом прямо над пупком. Он обещал мне, что все будет по-другому, сказал, что изменится. Я поняла одно: мне все равно, главное, чтобы он был рядом, чтобы живой. И больше мне ничего было не нужно.

Разрешение родителей на брак я написала сама. Это было не сложно. Моя мама бухгалтер, и мне часто приходилось расписываться за других (тех, кто с ней работал), всех же не оббежишь, чтобы они расписались. А ее подпись вообще легкая, сто раз уже за нее расписывалась.

По закону нас никогда бы не расписали, на тот момент мне было пятнадцать, а ему восемнадцать. Но Женька сказал, что все уладил. Деньги, оказалось, многое могут. Свадьба была назначена на пятнадцатое июня.

Я объездила, наверно, все магазины — платья, которое я хотела, нигде не было. Поэтому мне

шили его в ателье на новых Мытищах, там работала знакомая Тимофеевой. Пышное, с корсетом, рукава три четверти и фата, волшебная, не длинная и не короткая, с маленькой диадемой и жемчужинами. Мне ужасно нравилось кружиться в этом платье. Такой меня как-то и увидел Женька. Он искал свой мобильник, набирал номер и слушал, где звенит. Звенело за диваном в той комнате, где как раз я мерила платье. Он зашел, хотя я кричала, чтобы не заходил.

— Не смотрю я, не смотрю! — он зажмурил глаза.

А когда выходил, увидел мельком и остановился.

— Какая же ты красивая!

— Жень! Ты же обещал не смотреть! Тебе нельзя меня до свадьбы видеть! Примета такая! — разозлилась я.

— А я и не видел. Ерунда все эти приметы.

Я расстроилась, но потом забыла об этом.

* * *

Через неделю приехал Коля. Вернее, это уже был не он. С потухшими глазами и обожженной щекой. Незнакомый мужчина, с жестким, как камень, лицом. Если бы я не знала, сколько ему на самом деле лет, подумала бы, что не меньше тридцати. Когда он только появился, я хотела броситься к нему и обнять, но что-то в нем отталкивало, будто невидимый барьер был между нами. Коля стоял на лестнице напротив меня, и взгляд у него был четкий, почти неподвижный, с немым укором. словно сама смерть смотрела на меня его глазами, в них не было ни капли страха. Он потерял это чувство там, так же как и другие человеческие чувства и желания умерли в нем навсегда. На запястье была наколота группа крови и резус.

— Привет! — наконец-то выдавил из себя он.

— Привет! — пропищала я и опустила глаза.

Лифт остановился на нашем этаже и оттуда вышел Сёма.

— О, Колян, здорово! На свадьбу приехал? Как служится?

Быстро пожал ему руку.

— Нормально. Че за свадьба?

— Так ты не в курсе, что ли?

— Нет.

— Эти ненормальные женятся, — Сёма указал на меня.

Вспомнив, зачем пришел, повернулся ко мне.

— Я те кольца привез. Три часа там убил. На, меряй! — недовольно пробурчал он.

Дело в том, что в последний момент мое кольцо пришлось подгонять, оно мне было ве-

лико. Палец почему-то стал тоньше на целый размер, был шестнадцатый, а стал пятнадцатый.

— Женитесь? — переспросил с недоверием Коля и закурил.

Я кивнула, стараясь не встретиться с ним взглядом. Он помолчал немного, помял губами сигарету и спросил:

— Женька дома?

— Да.

Коля быстро зашагал вверх по лестнице.

— Ты мерить будешь или как? — рассердился Сёма.

Я померила, не глядя. Сердце сжалось, и по телу пробежали мурашки.

* * *

Женья с Колей сидели в большой комнате, на столе две бутылки водки и баклажка пива, возле двери — три пустые. Я была за стенкой, вроде как домашку по русскому делала, и невольно слышала их разговор.

— Давай к нам! Не х... тебе там делать! — Женья был уже сильно пьян.

— Нет! Не могу! Пацаны там мои!

— Какие пацаны? Кому ты рассказываешь? Вся рота на том свете, никого не осталось! Кстати, давай за них, пусть земля им будет пухом!

Они снова выпили.

— Здесь пацаны тоже воюют. Токо им за это деньги платят. А вы за что гибнете? За бесплатный цинк, что ли?

Коля молчал.

— За родину? Так ей на вас глубоко насрать! — Женька уже разошелся.

Коля по-прежнему молчал.

— Чтобы вернуться? Так это уладим, не вопрос. Ты токо скажи.

— Или, может, за то, чтобы другие на вас бабки делали? За че? Ты скажи, а то я че-то не х... не понимаю!

— И не поймешь!

— Не, ну ты объясни! Вот вернешься ты и че, куда дальше? Либо в менты заделаешься, либо к нам.

— Я нормально хочу, по-людски! Я этой дрянью там нагяделся!

— Нормально? Думаешь, здесь нормально будет? Да здесь ни хрена не будет! Хочешь жить по-нормальному, тада ствол в руки — и вперед.

— Это не нормально! Я не хочу так! Мы не за это горели! Если бы ты видел, как пацаны умирали, ты бы понял! За ребят, за Сашку, за тех, кто щас там кишки собирает! За них я дерусь и буду драться!

— Забей, возвращайся, будешь с нами!

— С вами? Своих же мочить? Да не в жисть!

Зачем убивать, мало крови, что ли?

— Смерть везде, вокруг! Какая разница — смертью больше, смертью меньше! Один хрен все там будем! Днем раньше, днем позже!

— А кто тебе дал право решать чужие жизни?

— Эти уроды недостойны дышать! Здесь тесно вместе!

— Кем ты себя возомнил?

— Никем я себя не возомнил! Они не признают никаких понятий, живут по беспределу! У них нет нечего святого!

— А у тебя-то что святого?

— Я это все для нее делаю. Чтобы мы пожили по-человечески. На остальных мне плевать. За это я всех убью и всех продам.

...Послышался грохот, звон битого стекла. Когда я вошла, Коля стоял возле стола, Женя лежал на полу, прикрывая разбитый нос, из которого текла кровь.

— А я думал, что хуже этих тварей никого нет...

Коля оделся и вышел.

Я хотела поднять Женю, но он оттолкнул меня и пошел в ванную.

Где-то через час, спускаясь к себе, я наткнулась на Колю. Он сидел на ступеньках и курил.

— Знаешь, я там все мечтал вернуться, увидеть тебя хотел, все сюда рвался. Мы все мечтали, что вернемся, что заживем. А приехал, брожу как неприкаянный. Оказывается, если у тебя нет денег, ты слабак; не отмазался от армии — дурак; сам пошел на войну — полный дебил. Я думал, друзья меня ждут! Ждали — дождались! Они меня не понимают, я не понимаю их. Каждый на своей волне. Ты прости, если чего не так. Я хотел, чтобы ты счастлива была.

— А я счастлива!

— Вижу!

Он встал и медленно начал спускаться.

— Коля! — окликнула я.

— Не бойсь, башку себе автоматом сносить не буду!

Так мы и расстались.

* * *

— Ты не прав! Так нельзя!

— Ты и понятия не имеешь об этом! — резко ответил Женя.

— Он же твой друг!

— Был когда-то!

— Он тебе ничего не сделал!

— Ты кого любишь, его или меня?

— Зря ты так!

* * *

Мне было жалко Колю, я злилась на Женю. На следующий день спросила у Фили, когда он уезжает. Он сказал, что сегодня поезд с Павелецкого вокзала в четыре часа. Уговорила Филимона довезти меня до вокзала, бежала. Мне казалось, я должна поговорить с Колей. Зачем? Что я собиралась ему сказать? Теперь не знаю. Тогда мне казалось, что многое.

Я опоздала на пять минут. Поезд ушел. Каких-то пять минут, а оказалось — целая жизнь. Почему все получилось так? Меня душила обида непонятно на кого. Я села на мокрую от дождя землю и заплакала. Кто-то поднял меня и спросил все ли в порядке. Я не ответила, не смогла, пошла к машине.

Филимон докурил и посмотрел на меня.

— Не успела.

— Я в курсе! Вот! Этот дуралей тебе просил передать!

Филимон протянул мне алюминиевый крест на черном шнурке. Обычный с виду крест, его Коле дал монах, когда он жил при монастыре. Коля считал, что он особенный и помогает ему.

Женя молчал, даже в глаза мне не смотрел. Он был совсем не тем парнем, в которого я влюбилась. Он поправился, зарос щетиной и поменял свои взгляды на жизнь. Но все это было уже совсем не важно. Я любила его таким, и больше меня ничего не интересовало. Думаю, в глубине души он знал, что не прав. Знал, что так нельзя. Но не мог иначе. И он очень уважал Колю, отдал бы жизнь за него, если надо. Жалел, что не пошел в Чечню вместо него. Говорил, что считает эту войну бессмыслицей. На самом деле он не пошел, потому что встретил меня, потому что у него была компания, друзья.

Накануне свадьбы с утра он был у меня.

— Я тут отъеду ненадолго.

— Куда это еще?

— Я скоро. У меня подарок для тебя есть!

— Какой?

— Вечером отдам.

— Нет, так не честно. Скажи сейчас! Цветы?

— Нет, холодно.

— Украшения какие-нибудь?

— Нет.

— Мягкая игрушка, что ли?

— Нет.

— Ну, тогда котенок?

— Еще не хватало! Нет.

— Ну что?

— Вечером узнаешь! Всё.

— Ну Женя, нехороший ты!

Он ушел. На самом деле Женя купил две пу-
тевки в Грецию, как я и хотела. Так и не отдал
их мне, я потом нашла их в ящике стола.

Девчонки подбили меня устроить девич-
ник. Мы смотрели американские комедии, ели
пироги и пили коктейли. Обсуждали, честно
говоря, всякую ерунду, но было весело — шу-
тили. Я прождала Женю до глубокой ночи —
его не было. Временами я проваливалась в сон.
Проснулась от того, что услышала голоса в
коридоре.

— Ты скажешь?

— Нет, я не могу. Сам говори!

— Может, не говорить?

— Все равно узнает.

— Что говорить?

— Скажи, что разбился.

— Зачем?

— Ну, не правду же говорить.

— Думаешь, не догадается?!

Сердце бешено заколотилось, я вскочила с
дивана. В коридоре стояли Филимон с Кузей.
Надежда, что это приснилось, медленно рас-
таяла.

Увидев меня, они испугались. Я уже не стала
ждать, пока они скажут, спросила сама:

— Что с Женей?

— ...

Они молчали в оцепенении.

— Что? Говорите же!

— ...Прости, так вышло! Понимаешь, он... его
больше нет! — еле-еле пробормотал Кузя.

Мир рухнул в одну секунду. Грудь сдавило.
Сердце будто бы остановилось. Слезы сами со-
бой потекли из глаз. Вокруг всё поплыло. С ми-
нуту я стояла в каком-то ступоре. А потом не-
ожиданно бросилась к окну. Кузя удержал ме-
ня. Они напичкали меня снотворным, и я
отключилась.

* * *

Гроб был закрытый. Мне так и не дали на не-
го посмотреть. Похороны я помню плохо. Кида-
лась к нему в могилу, меня держали, я вырыва-
лась. Я хотела умереть вместе с ним, хотела,
чтобы меня зарыли живьем, лишь бы с ним.
И сейчас бывают моменты, когда мне хочется к
нему, лечь с ним рядом. Я до сих пор чувствую
себя виноватой в том, что не умерла вместе с
ним. Я не могла без него жить, он был всем для
меня.

Он снился мне или это было наяву. Садился
на кровать, она не приминалась, смотрел на ме-
ня и молчал. И такая тоска сжимала изнутри,
разъедала всю душу. Умоляла его, чтобы он за-

брал меня с собой. Он молчал и таял, как тень.
Сначала я даже злилась, кричала. Он же обещал
мне, что мы всегда будем вместе, что он никогда
меня не бросит, всегда будет рядом.

Последующий месяц я почти не помню. Го-
ворят, что я совсем сошла с ума. Положила все
наши фотографии, его вещи, все, что он мне да-
рил, мое платье на середину комнаты и подожг-
ла. И себя хотела сжечь. Потом Лиза с Кузей
стали пристегивать меня к батарее наручника-
ми. Я отключилась от всего этого мира. Меня
словно не было. Я перестала разговаривать и
есть. Мне ничего не хотелось, всё было безраз-
лично. С большим трудом меня поставили на
ноги. Спасибо Кузе с Лизой.

Я вернулась к жизни, но я никогда не смогу
забыть о нем, никогда не перестану его любить.
Может быть, я встречу другого, может, выйду
когда-нибудь замуж, рожу детей — он все равно
останется в моем сердце. Он снился мне недав-
но. Стоял по пояс в озере и звал меня к себе. А я
говорила, что купаться еще холодно, вода ледя-
ная. Или бывает мне снится, что я с ним разго-
вариваю как ни в чем не бывало. Обнимаю его,
мы решаем, куда нам поехать, а потом вспоми-
наю, что он умер, и он исчезает, растворяется в
воздухе.

Его больше нет, а я все живу. Я опять столк-
нулась с реальностью, от которой он меня так
тщательно оберегал. Не думала, что после этого
как-то можно жить дальше. Это чудовищно,
когда дорогой тебе человек лежит в сырой зем-
ле, и от него остался только холм да крест.

* * *

Коля погиб в Чечне четырнадцатого июня
при выполнении боевого задания. Сгорел зажи-
во. Никаких наград он так и не получил. Ему
сказали, что зачистки, которые они производи-
ли чуть ли не каждый день, — это не война. Что
война якобы закончилась. Коля — сирота, ника-
ких родственников у него не было, государству
он и подавно не нужен. Похоронили его в Дагес-
тане на горе, помянули хорошим словом, спир-
том и автоматной очередью. Когда-нибудь я
съезжу туда, найду это место и скажу ему все,
что не успела. Я знаю, он меня услышит и про-
стит. Я верю в это.

Всех наших ребят перестреляли в конце ию-
ля. Сначала говорили, что королёвская братва.
Но это неправда, их перебили менты. Всего
лишь за то, что они перестали с ними делиться и
вовсе обнаглели. В живых остался только Се-
режка. И это действительно чудо. Четыре пу-
ли — вокруг сердца, а он выжил. Он долго скры-

вался, не знаю, где он теперь. Слышала, что вроде все у него хорошо, семья, дети.

Те, кого там не было, продолжают жить так же. Теперь только называются они иначе — бизнесмены. Вежливее стали, культурнее, семьями обзавелись. За любое неверное слово пристрелить могут без базара. Оружие уже не так популярно, в последнее время появилась мода ездить на разборки с двумя битами: одна деревянная, другая железная. Они водят дружбу с московской братвой. До сих пор вся эта гопкомпания держит мытищинский рынок на Ярославке, торговый центр и пару палаток. Но это уже совсем другая история.

У Ильинского осталась дочь Катя. Она его совсем не помнит и называет папой нового мужа мамы.

Наташка остригла волосы и работает теперь в продуктовом магазине.

Поздняков вышел из тюрьмы. А через полгода снова сел. Стажил у какого-то парня мобильный телефон. После зоны мало кто может вернуться к нормальной жизни.

Толстый уже совсем не толстый. В армии здорово похудел. Видела его недавно в маршрутке. Сначала даже не узнала, так сильно он изменился.

Женины родители продали квартиру. Мне говорили, что его мама отравилась. Я думала, что это сплетни. А весной пришла на кладбище и увидела рядом с Жениной новую могилу.

Всё кануло куда-то в необъятную бездну. Распалось, рассыпалось на мелкие частички. На улице больше не бренчит Семина гитара, не слышен Женин голос. Нынешняя молодежь предпочитает компьютеры и осваивает просторы Интернета. Может, оно и правильно.

Я живу всё там же, и из окна по-прежнему видна моя береза. Наш пыльный двор теперь загородил новый дом. Нет больше тарзанки, которую смастерил Сашка, как нет и самого Сашки.

А напротив моего дома втиснули детский сад. Правда, очередь туда уже расписана на десять лет вперед. Какими будут наши дети? Иногда я думаю, почему у меня нет от него ребенка. Он был бы похож на него, был бы рядом, и я любила бы его, как Женюку. Понимаю, глупо все это. Сама еще ребенок.

«Индиану Джонс» перекрасили и переделали, она утратила популярность, но все еще работает. На месте детской музыкальной школы и овощного магазина соорудили ночной клуб «Бамбура», теперь все тусят там.

Техас все тот же, почти ничуть не изменился. Только дома слегка ссутились, да и мы вроде наконец-то выросли.

Из наших почти никого не осталось. Только воспоминания. Да и они постепенно уходят, как-то стираются со временем на пыльных фотографиях. Скоро семь лет как Жени не стало, кажется, что жутко много, а на самом деле всего каких-то семь лет. Четырнадцатого июня я поеду на кладбище, принесу ему цветы. И буду говорить с ним долго-долго, расскажу ему обо всем.

А потом мы с Саней пройдем по всему кладбищу. Посидим у могил наших ребят, помолчим. Потому что нечего сказать.

Мне больно за них, мне больно за всех, кто погиб в Чечне, мне больно за тех, кто еще не погиб, мне больно за нас.

Их не вернуть, они не плохие и не хорошие, их просто нет в этом мире.

Мы выросли в Техасе, мы верили в чудеса, и мы хотели немножко счастья.